

Геннадий Красухин

**Мои
литературные
СВЯТЦЫ**

квартал 4

Геннадий Красухин

Мои литературные святцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611352

Аннотация

Автор этой книги потому и обратился к форме литературного календаря, что практически всю жизнь работал в литературе: больше 40 лет в печатных изданиях, четверть века преподавал на вузовской кафедре русской литературы. Разумеется, это сказалось на содержании книги, которая, сохраняя биографические данные её героев, подчас обрисовывает их в свете приглядных или неприглядных жизненных эпизодов. Тем более это нетрудно было сделать автору, что со многими литераторами он был знаком.

Содержание

Октябрь	5
1 октября	5
2 октября	18
3 октября	26
4 октября	39
5 октября	45
6 октября	51
7 октября	57
8 октября	59
9 октября	64
10 октября	74
11 октября	80
12 октября	86
13 октября	94
14 октября	105
15 октября	118
16 октября	122
17 октября	125
18 октября	130
19 октября	132
20 октября	145
21 октября	151
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Мои литературные святцы

квартал 4

Геннадий Красухин

© Геннадий Красухин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Октябрь

1 октября

Слуцкий писал о нём

*Это Коля Глазков. Это Коля,
шумный, как перемена в школе,
тихий, как контрольная в классе,
к детской
принадлежащий
расе.*

*Это Коля, брошенный нами
в час поспеишего отъезда
из страны, над которой знамя
развевается
нашего детства.*

*Детство, отрочество, юность —
всю трилогию Льва Толстого,
что ни вспомню, куда ни сунусь,
вижу Колю снова и снова.*

*Отвезли от него эшелоны,
роты маршевые
отмаршировали.*

*Все мы – перевалили словно.
Он остался на перевале*

На войну Николай Иванович Гладков, родившийся 30 января 1919 года, не попал по медицинским показателям. Сейчас появились публикации, намекающие, что Глазков просто «откосил» от армии. Но я знал его лично. «Откосить», то есть обмануть кого-то Коля был не способен. Да, совершенно определённо он был с психическими отклонениями.

Всю войну он зарабатывал себе на хлеб тем, что заготавливал дрова москвичам. О чём писал в стихах:

*Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22*

Физической силы он был огромной. Любил её демонстрировать: предложить кому-нибудь выжать как можно бóльшую цифру на динамометре, а потом выжать самому намного больше.

Моё знакомство с его поэзией началось с четверостишия:

*Я на мир взираю из-под столика
Век двадцатый – век необычайный
Чем столетье интересней для историка
Тем для современника печальней*

Не помню уж, в какой из московских газет в конце пя-

тидесятых разносили самиздатовский журнал «Синтаксис». Но эту цитату я запомнил сразу. И с Сашей Ароновым через некоторое время посетили Глазкова, с которым я и познакомился.

Коля оглушил феерической иронией своих стихов. «У меня их много», – предупредил он и читал весь вечер. «Заходите, – сказал он, провожая нас, – продолжим чтение».

Я любил бывать у него. Всегда среди уже знакомого находилось у Коли что-то новое, мною не слышанное. Не скажу, что всё написанное им, мне нравилось. У него было много трухи. Кстати, именно её печатали чуть позже, когда стали выпускать его книги. Но я всё прощал ему за его лучшие вещи.

За:

*Господи, вступи за Советы,
Сохрани страну от «высших рас»,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.*

За:

*Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз
Но это не поэзия.*

За:

*От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.*

За:

*И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Её кусали муравьи
Меня кусали комары.*

За:

*Таёт снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше*

Но чувствую, пора остановиться. Долго ещё можно цитировать. Много ещё можно цитировать. Глазков это предвидел. Потому и писал:

*Поезд едет ду-ду-ду,
Чрезвычайно скоро.
Он везёт не ерунду,
А стихи Глазкова
И за будущие дни
Я не беспокоюсь,
Потому что искони*

Верю в этот поезд.

Умер Николай Иванович Глазков 1 октября 1979 года.

Григорий Иванович Коновалов (1 октября 1908 – 17 апреля 1987) был известен читателям прежде всего по своему роману-дилогии «Истоки», над которым работал 8 лет (1959—1967) и за который получил Госпремию РСФСР и Первую премию по итогам конкурса на лучшую книгу о рабочем классе.

Вообще-то роман Коновалова словно списан с таких произведений Всеволода Кочетова, как «Журбины», «Братья Ершовы». У Коновалова тоже в центре – история семьи. Крупновы – потомственные волгари. Глава семьи Денис Крупнов прошёл царскую каторгу, Гражданскую войну.

На страницах этого романа о рабочем классе возникают исторические фигуры Гитлера, Риббентропа, Черчилля, Рузвельта. Денис Крупнов вспоминает о своей беседе с Лениным, Матвей Крупнов, профессиональный дипломат, наблюдает работу Тегеранской конференции, а Юрию Крупнову ещё до войны довелось встречаться и беседовать со Сталиным.

С удивлением прочитал я в воспоминаниях Валентина Сорокина о Коновалове, что Коновалов не выдумал эту

встречу, он её вспомнил:

Работая в ЦК КПСС, выпрямился в Кремле перед Сталиным. Сталин предложил бравому Коновалову пост первого секретаря Ростовской области. Бравый Коновалов отказался:

– Что вам мешает? – изумился Сталин.

– Я пишу. – Пишите? – Роман пишу. – Хм, писатель?

– Да, товарищ Сталин, писатель!.. – нажал бравый Коновалов. Сталин помолчал, помолчал и отреагировал:

– Хорошо, пишете. Партия, полагаю, без вас не погибнет?

Но товарищ Сталин приказал: как опубликуется, обязательно прислать Иосифу Виссарионовичу – почитать. И дед послал корифею напечатанные рассказы. Корифей вызвал и кивнул: – Пишите.

Это очень любопытно, потому что нигде в Интернете я не нашёл упоминания о том, что Коновалов работал в ЦК партии. О том, что после Пермского педагогического института Коновалов учился ещё в Институте красной профессуры, есть. Но перед этим он, как сказано, работал на Пермском промышленном комбинате, а после Института красной профессуры перед войной преподавал русскую литературу в Ульяновском педагогическом институте. Стесняются, что ли, указать работу Коновалова в ЦК его биографы?

А стесняться, по-моему, следует не его службы, а его величания писателем. Потому что был он не писателем, а чле-

ном Союза писателей, весьма исполнительным, старательно работающим по лекалам руководства. Недаром его «Истоки» так похожи на кочетовские романы. А что остальные его вещи слабее «Истоков», даже самые благожелательные к Коновалову критики признают.

Симон Львович Соловейчик (родился 1 октября 1930 года) в «Литгазете» был фигурой легендарной и невероятно уважаемой. Он не так часто у нас печатался, но всегда с прекрасными, отточенными по мысли и форме статьями по педагогике. Он был первооткрывателем многих учительских талантов, педагогических школ, направлений. Разумеется, в советских условиях не всякое горячо пропагандируемое им направление, приветствовалось, и не каждый учитель, о котором Сима (так все его звали) писал с обожанием, вызывал те же чувства у тех, кто был приставлен руководить педагогикой.

Помню безуспешные попытки Нелли Логиновой пробить очередную статью Соловейчика, помню, ценой каких уступок цензуре, ему удавалось у нас напечататься, как измученный он приходил ко мне в кабинет, валился на стул и говорил: *«Налей. Я ведь знаю, что у тебя всегда есть»*. Мы невесело с ним выпивали.

Я знал его ещё со времён «Семьи и школы», и относились

мы друг к другу с ровной приятньюю.

Мы встречались даже чаще, чем предполагали. То в ЦДЛ оказывались за общим столом, когда в моей и его компаниях находилось некоторое количество общих знакомых. И тогда нередко разъезжались по домам в одной машине. Соловейчик жил на улице Кондратюка в районе метро «Щербаковская» (теперь – «Алексеевская»), и шофёры охотно брались довезти его до этого дома, возможно, известного им тем, что там жили многие журналисты, особенно из «Комсомолки». А бывало, что мы встречались совсем в неожиданных местах, например, в других городах, куда каждый сам по себе приезжал в командировку. Так однажды мы жили с ним в одной гостинице в Ленинграде. Собирались по вечерам в одном из наших номеров и много душевно беседовали. Историй он знал множество, а слушатель я был благодарный.

Мы перезванивались, читая друг друга. Его замечания по поводу моих статей в «Литературке», как правило, были дельны и по существу. Я поздравил его с одной, на мой взгляд, блестящей статьёй в «Новом мире», которая заканчивалась феноменальным разбором послания Пушкина ребёнку, сыну князя Вяземского. Он был обрадован, сказав, что иные пушкинисты не приняли его анализа, считая, что и не анализ это вовсе, а голая эмоция. Я успокоил его, сославшись на высказывание Тынянова о том, что пушкинисты Пушкина давно уже не читают, они читают друг друга!

А в горбачёвское время Сима вдруг исчез. Потом выясни-

лось, что его старый товарищ по «Комсомольской правде» Александр Пумпянский, любивший и Соловейчика и работавшую в «Комсомолке» его жену Нину Алахвердову, возглавил журнал «Новое время», зачислил Симу в штат и отправил почти в кругосветное путешествие. Деньги у журнала тогда были немалые, тираж солидный, и многие стали покупать и даже выписывать «Новое время» не только из-за ярких перестроечных статей, но из-за очерков Соловейчика, которые более-менее регулярно печатались: *«Я учусь в английской школе»*, *«Я учусь в американской школе»*, *в мексиканской, в австралийской, в японской, в кенийской* – в каких только странах и на каких континентах ни побывал Симон Соловейчик, и сколько разных систем образования он ни описал!

В это время я уже стал заместителем редактора отдела литературы в «Литгазете». Партийность больше не имела ровно никакого значения, и я возглавил отдел русской критики, но впереди отдалённо замаячила возможность иметь собственное дело.

Против подобной перспективы я не устоял. Купил в Госкомпечати красивую лицензию, которая засвидетельствовала, что я становлюсь владельцем журнала «Юный словесник». Я мечтал об издании занимательного литературоведения. И вот – вроде близок к осуществлению своей мечты. Аббревиатура журнала «ЮС» обозначала ещё и букву древнерусского алфавита, точнее – две буквы, и я решил, что юс

большой будет сопровождать материалы для старших школьников, а юс малый – для младших. Стал обзванивать знакомых, заказывать им материалы для журнала, все соглашались писать.

Но хорошо, что сгоряча я не ушёл из газеты. Потому что от лицензии на журнал до его выпуска нужно было, как выяснилось, пройти через многие препятствия, заплатив при этом немалые деньги. Хотя и тысяча, которую стоила лицензия, была тогда очень приличной суммой. Ткнувшись в одну юридическую контору, где мне предложили по всем правилам написать устав, в другую, бравшуюся составить бизнес-план, суммировав всё, что мне придётся заплатить одним только юристам, я понял, что у меня не хватит средств ни для оплаты типографских услуг, ни даже для того, чтобы купить бумагу хотя бы на пятитысячный тираж. Коммерсант из меня получался никудышный.

И тогда я задумался о спонсоре. В его поисках я дал интервью о задуманном мною издании нашему отделу информации и журналу «Детская литература». Обширная почта и многочисленные звонки показывали, что моя идея многим пришлась по вкусу. Если такой журнал будет выходить, – говорили или писали отозвавшиеся, – они с удовольствием его выпишут.

Спонсоры не откликались. Зато позвонил Симон Соловейчик:

– Что это за журнал ты хочешь выпускать?

Я объяснил.

– Дело в том, – сказал мне Симон Львович, – что я начинаю издавать газету «Первое сентября» с множеством предметных приложений. Там будет и «Литература». Ты созвонись с заведующей всеми приложениями Татьяной Ивановной Матвеевой, и думаю, что она всё, что ты уже собрал для своего журнала, у тебя возьмёт.

– А как же мой «Юный словесник»? – спросил я.

– Ну, пусть пока он называется приложением «Литература», а дальше – видно будет!

Татьяна Ивановна приняла меня очень любезно, сказала, что может с сегодняшнего дня оформить на ставку консультанта приложения, но что главного, даже двух главных редакторов «Литературы» она уже взяла.

Я согласился. Тем более что время было смутное, и ставка консультанта была даже больше ставки заведующего отдела «Литературной газеты».

Но когда вышел первый, а потом второй пробный номер приложения, я обомлел. Никакой занимательности. Какой-то натужный юмор, типа: «Однажды Ивану Андреевичу Крылову выпал кусочек сыра». Мною принесённый материал затерялся в непонятно кому адресованному капустнике. Оба главных редактора – молодые ребята радовались: «Мы привезли пачку газет в Крупу, их мгновенно разобрали и так ржали, читая!» (Крупа – это областной пединститут имени Крупской. Теперь он университет.) Я отправился к Матвее-

вой. *«Пока я – главный редактор всех приложений, – сказала мне она, – никакого литературоведения в „Литературе“ не будет. Я этого не допущу»*. Очевидно, она предполагала и дальше издавать приложения в виде юмористических капустников.

Я решил уходить.

Но только я это про себя решил, как позвонила секретарь Соловейчика и позвала меня к нему.

– *Мне нужен главный редактор «Литературы», – озабоченно сказал Сима.*

– *У тебя же есть целых два!*

– *Почитай, – и он протянул мне «Учительскую газету».*

Большой коллектив редакторов приложений во главе с Татьяной Ивановной Матвеевой обвинял Симона Львовича Соловейчика в некомпетентности и в неумении уживаться с людьми.

– *Мы с тобой часто совпадали, – вспомнил Сима несколько эпизодов, в том числе и тот, как мы в один день с ним получили писательские билеты, – давай совпадать дальше. Но, старик, сроки чудовищно сжатые. Сможешь за неделю не только подобрать команду, но выпустить номер?*

– *Смогу, – сказал я. – У Матвеевой лежит готовый номер по Горькому, который я собрал.*

– *А из «Литературки» можешь не уходить, – сказал Соловейчик. – Работай у меня по договору. Впрочем, действуй,*

как тебе будет удобней.

У него я проработал до самой его смерти 18 октября 1996 года. И потом ещё девять лет.

Мне очень нравится его книга «Учение с увлечением». Нравится, начиная с самого названия: без увлечения учение превращается в мучение. Поэтому я ценил работы своего старшего товарища, понявшего такую простую и такую почему-то недоступную чиновникам от образования истину.

Есть такое понятие: душеполезное чтение. Вот к нему и относятся работы Симона Львовича, любившего детей, знавшего детскую психологию, умевшего передать другим педагогам свою страсть: учить с увлечением!

2 октября

Эти книги мне, школьнику, предлагали в нашей дворовой библиотеке, куда я записался, как только выучился читать. «Поджигатели» я прочитал быстро. «Понравилось?» – «Понравилось!» – «Ну, возьми «Заговорщики».

Я брал. «Заговорщики» мне нравились меньше. По правде сказать, я забыл, о чём они. Кажется, действие там происходит то ли во время войны, то ли после. А вот «Поджигателей» запомнил. Время предвоенное. Любопытно было читать, как троцкисты с немецкими фашистами снюхались. И как американцы с немцами. Как все нас ненавидели, кроме немецких коммунистов.

Уже потом, через много лет я узнал, что Николай Николаевич Шпанов написал не только этих толстенных «Поджигателей» и «Заговорщиков», что он после того, как написал массу брошюр и книг об авиации, где служил, перешёл на художественную литературу и почти сразу прославился: написал роман «Первый удар» (1939), рассказывающий о том, как поразит наша авиация врага на его территории в случае, если он на нас нападёт. Популярным был и фильм «Глубокий рейд», созданный на основе этого романа. Шпанов написал много, очень много книг. И большинство их после смерти Сталина оказались ненужными. А кому они были бы нужны, если писал Шпанов по колодкам нашего Агитпропа: там

и Тито действует по заданию ЦРУ, и Трайчо Костов, Ласло Райк и другие, которых приговаривают к смерти за шпионаж против нас. Сталин наградил Шпанова сталинской премией. И всё оказалось коту под хвост! И тогда Шпанов, которого печатали далеко не так охотно, как при Сталине, стал сочинять цикл про сыщика Нила Кручина.

Их вроде печатали для детей, говорят, что они занимательны, но я не знаю ни одного человека, кто бы их прочитал.

Как ни старался Шпанов (а работал он по-прежнему очень много), его известность не возродилась. Его забыли настолько, что когда после 2 октября 1961 года – дня его смерти гроб установили в ЦДЛ, на прощание с ним не пришёл никто. Кроме ответственного за ритуальный церемониал работника Литфонда. Он и постоял у гроба.

Родился Шпанов 22 июня 1896 года.

Павел Фёдорович Нилин писательскую известность приобрёл благодаря написанным в 1956 году повестям «Испытательный срок» и «Жестокость». Созвучные времени хрущёвской оттепели, они оказались созвучными любому времени, ибо вопрос о предосудительности скоропалительного осуждения человека и предпочтительности понимания его вечно актуален.

Но в дело по разоблачению нечеловеческих сталинских

норм жизни повести Нилина вносили свою весомую лепту. Написанные хорошим языком, композиционно гармоничные, с психологически мотивированными характерами героев и их поступков, они полюбились многим.

А кинематографическую известность Павел Нилин приобрёл ещё раньше.

Его сценарий двухсерийного кинофильма «Большая жизнь» стал очень заметным явлением. За сценарий фильма 1 серии он отмечен сталинской премией. А по поводу 2 серии было принято знаменитое постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) от 4 сентября 1946 года.

Вот небольшая выдержка из него

В фильме «Большая жизнь» дано фальшивое, искажённое изображение советских людей. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, показаны отсталыми и малокультурными людьми, с очень низкими моральными качествами. Большую часть своего времени герои фильма бездельничают, занимаются пустопорожней болтовней и пьянством. Самые лучшие по замыслу фильма люди являются непробудными пьяницами. В качестве основных героев фильма фигурируют люди, служившие в немецкой полиции. В фильме изображён явно чуждый советскому строю тип (Усынин), оставшийся при немцах в Донбассе, разлагающая и провокационная деятельность которого остаётся безнаказанной. Фильм наделяет советских людей

правами, совершенно не свойственными нашему обществу. Так, красноармейцы, раненные в сражении за освобождение шахты, оставлены без всякой помощи на поле боя, а жена шахтёра (Соня), проходящая мимо раненых бойцов, проявляет полное равнодушие и безразличие к ним. В фильме изображено бездушно-издевательское отношение к молодым работницам, приехавшим в Донбасс. Работниц вселили в грязный, полуразрушенный барак и отдают на попечение отъявленному бюрократу и негодяю (Усынину). Руководители шахты не проявляют элементарной заботы о работницах. Вместо того чтобы привести в порядок сырое, протекающее от дождя помещение, в котором были размещены девушки, к ним, как бы в издѣвку, посылаются увеселители с гармошкой и гитарой.

Понятен и зубодробительный вывод:

ЦК ВКП (б) постановляет

1. Ввиду изложенного выпуск на экран второй серии фильма «Большая жизнь» запретить.

2. Предложить Министерству кинематографии СССР и Художественному совету при министерстве извлечь необходимые уроки и выводы из решения ЦК ВКП (б) о кинофильме «Большая жизнь» и организовать работу художественной кинематографии таким образом, чтобы впредь была исключена всякая возможность выпуска подобных фильмов.

Вообще сценарий фильма «Большая жизнь» писался на основе сюжета первой книги Нилина «Человек идёт в гору. Очерки обыкновенной жизни», которая вышла ещё в 1936 году. Шахтёры описывались, как было принято в то время, героями пятилетки, ударниками труда. Книга отличалась добротностью стиля, и потому у кинематографического начальства и сомнения не возникло в необходимости её экранизации.

Первая серия показала безошибочность выбора. Но вторая...

А со второй получилось так, что она вышла в первый год после войны, когда не оправившаяся от горестной действительности страна только начала залечивать раны. Ей это плохо удавалось ещё и в связи с неурожаем 1946 года, заставившим голодать вернувшихся с войны фронтовиков.

К этому нужно прибавить, что прошедшие по Европе солдаты видели, как жили там люди и, разумеется, надеялись, что, победив, они будут жить не хуже.

Выйди вторая серия фильма, как и первая, до войны, наверняка никакой критики бы не было. Сужу по тому, что видел её в 1958 году, когда она вышла на экраны.

Но после войны Сталину и его руководству нужны были фильмы преувеличенно положительные. Всё – в самых радужных тонах. Колхоз – процветающий, завод – перевыполняющий – аж дух захватывает! – какие планы. Люди – не просто довольные своей жизнью, но всё от неё взявшие

и претендующие на излишки!

Потому и посыпались удары по талантливым художникам, которые обязаны были служить своим талантом диктаторским прихотям.

Долго продолжалась кампания по избиению фильма, а значит – и режиссёра и сценариста.

Что это Нилина не сломило, доказали две повести, о которых я написал вначале. По их мотивам, кстати, поставлены были хорошие фильмы.

Ну, а дальше повесть «Через кладбище» (1962) – о белорусских партизанах, рассказы «Дурь» (1973), «Впервые замужем» (1978) – вполне доброкачественная проза.

Умер Павел Фёдорович 2 октября 1981 года (родился 16 января 1908-го).

Братья Туры не были братьями по крови. Одного звали Леонидом Давидовичем Тубельским. Другого – Петром Львовичем Рыжеем. Когда решили писать дуэтом, взяли себе этот псевдоним. Говорят, что каждый дал по своей первой букве, а в середину поставили для благозвучности «у». Но мне думается, что «Тур» составлен из двух первых букв фамилии Тубельский и первой буквы фамилии Рыжей.

Так или иначе, но братья настолько привыкли к новой своей фамилии, что когда умер Леонид Давидович, Пётр Льво-

вич взял в соавторы жену, и они подписывали свои произведения Ариадна и Пётр Тур.

Пётр Львович Тур вместе с названным братом считаются классиками советской приключенческой драматургии. По их пьесе «Очная ставка» (совместно с Л. Шейниным) снят фильм «Ошибка инженера Кочина» (1939). Дальше последовали «Дым отечества» (1943), «Софья Ковалевская» (1943), «Губернатор провинции» (1947; на основе этой пьесы снят фильм «Встреча на Эльбе»), ну, и, как говорится, так далее. Всего они написали 9 пьес. В 1944 году совместно с Л. Шейниным написали сценарий фильма «Поединок», в 1946-м – сценарий фильма «Беспокойное хозяйство», в 1949 вместе с Л. Шейниным – сценарий фильма «Встреча на Эльбе», за что получили сталинскую премию 1-й степени. Сценарий фильма «Испытание верности» они написали вместе с режиссёром фильма И. Пырьевым в 1954-м. И ещё два сценария – фильма «Софья Ковалевская» (1956) и фильма «Золотой эшелон».

Оставшись после смерти Леонида Давидовича без соавтора, Пётр Львович, как я сказал, стал писать вместе с женой. Их пьесы «Единственный свидетель» и «Чрезвычайный посол» были поставлены на сцене МХАТа. На основе «Чрезвычайного посла» они написали сценарий фильма «Посол Советского Союза», поставленный Г. Натансоном с актёрским составом МХАТа.

Пётр Львович скончался 2 октября 1978 года (родился

24 января 1908-го).

3 октября

Когда-то в «Литературную газету» ко мне ходил милейший человек – Виталий Александрович Вдовин. Он серьёзно занимался Есениным, очень любил его поэзию.

Однажды мы заговорили о «Чёрном человеке».

– *Как вы понимаете эти строки: «Голова моя машет ушами, как крыльями птица. Ей на шее ноги маячить больше невмочь»?* – спросил меня Вдовин.

– *Никак не понимаю,* – ответил я. – *При всей причудливости имажинизма, при всей причудливости имажинистских образов Есенина, «шея ноги» – полная бессмыслица.*

– *И я так считаю,* – сказал Виталий Александрович. – *Я смотрел рукопись. И, кажется, разгадал загадку.*

Он вытащил фотографии.

– *Вот обратите внимание. Видите, как написан «Чёрный человек» – смотрите на второе «ч» – строчное. Или вот ещё: «Спать не даёт мне всю ночь» – видите строчное «ч»?*

– *Вижу,* – заинтересованно сказал я.

– *А теперь посмотрите здесь: «нагоняя на душу тоску и страх». Обратите внимание на строчное «г». Или в этом месте как оно написано: «Это ничего, что много мук» – два строчных «г».*

– *Так вы думаете,* – начал я, обрадованной его догадкой.

– *Да, думаю. Он ведь «г» и «ч» пишет почти одинаково.*

Иногда не отличишь. Нет у Есенина этой глупой «шеи ноги». Стих должен читаться в соответствии с контекстом: «ей на шею но́чи маячить большие невмочь». «НОЧИ», понимаете? С ударением на первом слоге. И понятно, почему «невмочь»: бессонница, ведущая к галлюцинациям.

– Вы об этом написали? – спросил я взволнованно.

– Собираюсь, – ответил Вдовин. — Да где это печатать? В «ЛитРоссии» у меня лежит уже статья. К Прокушеву я больше никогда не пойду за помощью.

– Почему? – спрашиваю.

– А потому что он тебя прочтёт и скажет: «Что же тут нового. У меня как раз об этом статейка в „Огоньке“ идёт». И точно. Через некоторое время смотришь: мои наспех переписанные мысли. Он жулик.

– Попробую узнать у Кривицкого, – сказал я. – Может, мы заинтересуемся.

Но Евгений Алексеевич Кривицкий, зам главного редактора, сказал: «Это слишком серьёзно, чтобы об этом говорил дилетант. Ах, не дилетант? Тогда почему я о нём ничего не знаю? Он что – кандидат, доктор? Ну, что значит: убедителен? Пусть идёт с этим в литературоведческое издание. Напечатают – можем одобрить. Или поспорить. Но первыми начинать не будем. Имажинисты и не такое вкручивали!»

Увы, Вдовина я почему-то больше не видел. Знаю, что он всё-таки сумел напечатать свою абсолютно логичную вер-

сию. Судя по последующим изданиям, к нему не прислушались. Везде стоит «шея ноги».

А ведь прав Вдовин! *«Голова моя машет ушами, как крыльями птица»*. В полёте у птицы крылья выпрямлены. Она машет ими, прежде чем сесть на землю. Машет – подаёт знак: крылья устали, сейчас она сядет и их сложит. *«Ей на шею но́чи маячить большие невмочь»* – трудно держать голову, хочется преклонить её, лечь на подушку. Хочется уснуть, но мешает чёрный человек – видение, порождённое бессонницей, мешает бессонница, будоражащая психику такими видениями.

Мне думается, что в день рождения Есенина (родился он 3 октября 1895 года, умер 28 декабря 1925-го) очень уместно поднять вопрос о смысле и точности его метафоры. Обращаюсь к издателям: выправите по-вдовински строчку. И объясните в примечаниях, что нелепая «шея ноги» появилась вследствие плохо различимого отличия в написании Есениным букв «г» и «ч». И сошлитесь на Вдовина или на эту заметку, где я воссоздаю замечательное прочтение есенинского стиха любителем поэта Виталием Александровичем Вдовиным.

27 февраля 1951 года в «Комсомольской правде» появляется статья «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?».

автор которой немедленно становится всесоюзно известен. Некоторое время его имя – Михаил Бубеннов на устах у литераторов. Вот, в частности, что он писал в своей статье:

Любители псевдонимов всегда пытаются подыскать оправдание своей странной склонности.

Одни говорят: «Я не могу подписываться своей фамилией, у меня много однофамильцев». Однако всем нам известно, что в русской литературе трое Толстых, и их всех знают и не путают!

Другой восклицает: «Помилуйте, но я беру псевдоним только потому, что моя фамилия трудно произносится и плохо запоминается читателями». Однако всем понятно: создавай хорошие произведения – и читатели запомнят твоё имя! (Конечно, у нас ещё встречаются неблагозвучные и даже оскорбительные фамилии – когда-то бары давали их своим рабам. Такие фамилии просто надо менять в установленном порядке). Словом, оправданий много <...>

Почему мы ставим вопрос о том, нужны ли сейчас литературные псевдонимы?

Не только потому, что эта литературная традиция, как и многие подобные ей, отжила свой век. В советских условиях она иногда наносит нам даже серьёзный вред. Нередко за псевдонимами прячутся люди, которые антиобщественно смотрят на литературное дело и не хотят, чтобы народ знал их подлинные имена. Не секрет, что псевдонимами очень охотно

пользовались космополиты в литературе. Не секрет, что и сейчас для отдельных околотературных типов и халтурщиков псевдонимы служат средством маскировки и помогают им заниматься всевозможными злоупотреблениями и махинациями в печати. Они зачастую выступают одновременно под разными псевдонимами или часто меняют их, всячески запутывая свои грязные следы. Есть случаи, когда такие тёмные личности в одной газете хвалят какое-нибудь произведение, а в другой через неделю охаивают его.

6 марта 1951 года в «Литературной газете» появляется статья «Об одной заметке». Она заканчивалась так:

Говоря о неблагозвучных фамилиях, Бубеннов пишет, что «такие фамилии просто надо менять в установленном порядке». Во-первых, благозвучие фамилий – дело вкуса, а во-вторых, непонятно, зачем, скажем, драматургу Погдину, фамилия которого по паспорту Стукалов, вдруг менять эту фамилию в установленном порядке, когда он, не спросив у Бубеннова, ограничился тем, что избрал себе псевдоним «Погдин», и это положение более двадцати лет вполне устраивает читателей и зрителей. «Любители псевдонимов, – пишет Бубеннов, – всегда пытаются подыскать оправдание своей странной склонности». Непонятно, о каких оправданиях говорит здесь Бубеннов, ибо никто и ни в чём вовсе и не собирается перед ним оправдываться.

А если уж кому и надо теперь подыскивать

оправдания, то разве только самому Михаилу Бубеннову, напечатавшему неверную по существу и крикливую по форме заметку, в которой есть оттенок зазнайского стремления поучать всех и вся, не дав себе труда разобраться самому в существе вопроса. Жаль, когда такой оттенок появляется у молодого, талантливого писателя.

Что же касается вопроса о халтурщиках, который Бубеннов попутно затронул в своей заметке, то и тут, вопреки мнению Бубеннова, литературные псевдонимы ни при чём. Халтурность той или иной проникшей в печать статьи или заметки определяется не тем, как она подписана – псевдонимом или фамилией, – а тем, как она написана, и появляются халтурные статьи и заметки не в результате существования псевдонимов, а в результате нетребовательности редакций.

Константин Симонов (Кирилл Михайлович Симонов).

Но на этом дискуссия не закончилась. В «Комсомолке» 8 марта выступил Шолохов, горячо вступившийся за Бубеннова:

В конце концов, правильно сказано в статье Бубеннова и о том, что известное наличие свежеиспечённых обладателей псевдонимов порождает в литературной среде безответственность и безнаказанность. Окололитературные деятели и «жучки», легко меняющие в год по пять псевдонимов и с такой же поразительной лёгкостью, в случае неудачи,

меняющие профессию литератора на профессию скорняка или часовых дел мастера, – наносят литературе огромный вред, развращая нашу здоровую молодёжь, широким потоком вливающуюся в русло могучей советской литературы».

«Кого защищает Симонов? Что он защищает? Сразу и не поймёшь, – заканчивает свою статью, которую назвал «С опущенным забралом...», Шолохов. – Спорить надо, честно и прямо глядя противнику в глаза. Но Симонов косит глазами. Он опустил забрало и наглухо затянул на подбородке ремни. Потому и невнятна его речь, потому и не найдёт она сочувственного отклика среди читателей».

«Не хотел бы учиться у Шолохова только одному – той грубости, тем странным попыткам ошельмовать другого писателя, которые обнаружились в этой его вдруг написанной по частному поводу заметке после пяти лет его полного молчания при обсуждении всех самых насущных проблем литературы, – отвечает Симонов в «Литературке» 10 марта. – Моё глубокое уважение к таланту Шолохова таково, что, признаюсь, я в первую минуту усомнился в его подписи под этой неверной по существу и оскорбительно грубой по форме заметкой. Мне глубоко жаль, что эта подпись там стоит.

Михаил Семёнович Бубеннов, как видим, мощно продвинул вперёд кампанию, которая позже получила название борьбы с космополитизмом. Ведь было известно, что чаще

всего брали псевдонимы писатели евреи. Но не для того, чтобы скрыть свою национальность. После революции было привычно говорить об ассимиляции. Хотелось, укореняясь в быт страны, которую ты ощущаешь родиной, причаститься к этому быту и новой фамилией: Светлов, Безыменский, Каверин, Лидин и т. п.

Это уже во время кампании борьбы с космополитизмом, быстро принявшей антисемитский характер, евреи вынуждены были укрываться под псевдонимами. Особенно те, кто выступал в печати. От еврейских фамилий редакции шаркались, как чёрт от ладана.

Позже, после смерти Сталина главные погромщики открещивались от себя же прежних. Николай Грибачёв, который был не менее свиреп, чем Бубеннов, и так же, как он, громил евреев, стал уверять других, что он не взирал на национальность космополита, что он, не будучи антисемитом, даже недавно перевёл стихотворение одного еврея. На что получил эпиграмму от Александра Раскина:

*Наш переводчик не жалел трудов,
Но десять лет назад он был щедрее
Перевести хотел он всех жидов,
А перевёл лишь одного еврея*

Но Михаил Бубеннов оставался верен себе. Не оправдывался. И не открещивался от славы антисемита.

Был ли он хорошим писателем? За первую часть рома-

на «Белая берёза» получил сталинскую премию 1-й степени. Вторую часть, где действует великий, мудрый и родной Сталин он закончил писать в 1952 году. Но второй сталинской премии не дождался. Опоздал. Сталин умер раньше, чем он мог бы представить новую часть «Белой берёзы». Быть может, не будь он в это время так активен, выступая на каждом собрании, обличая евреев, то есть космополитов, он успел бы закончить книгу раньше. Получилось, что сам себя наказал. Но не читателей, которым вряд ли понравилась диалогия. Не случайно после смерти Сталина обе части романа фигурировали на всех литературных собраниях как образчик так называемой «теории бесконфликтности».

Нет, не был хорошим писателем этот человек, умерший 3 октября 1983 года. (Родился 21 ноября 1909 года.)

После окончания факультета славянской филологии Петербургского (Петроградского) университета в 1918 году Степан Григорьевич Бархударов по представлению академика А. А. Шахматова был оставлен в университете при кафедре русского языка.

В 1938 году в соавторстве с Е. И. Досычевой создаёт «Граматику русского языка (Учебник для неполной и средней школы)», которая на конкурсе учебников была признана лучшей.

В 1944 году под тем же названием «Грамматика русского языка» выходит учебник С. Г. Бархударова под редакцией Л. В. Щербы. Этот учебник выдержал 14 изданий (я сам по нему учился). В течение всей жизни Бархударов активно участвовал в подготовке последующих изданий в соавторстве с С. Е. Крючковым, Л. Ю. Максимовым и моим университетским учителем Л. А. Чешко, который, в своих лекциях всегда отдавал должное Степану Григорьевичу.

В 1946 году избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

За издание 17-томного Словаря современного русского языка (1948—1965) удостоен ленинской премии.

Его Орфографический словарь русского языка, составленный совместно с С. И. Ожеговым и А. Б. Шапиро, насчитывает 104 тысячи слов и стоит на полке у любого занимающегося русским языком лингвиста.

Степан Григорьевич Бархударов умер 3 октября 1983 года. (Родился 7 марта 1894 года).

Чем запомнился многим Георгий Пантелеймонович Макогоненко? Тем, что он в своей хрестоматии «Русская литература XVIII века» легализовал поэта И. С. Баркова. Да, он там впервые напечатал его стихи. Не срамные, конечно. Но за этим потом дело не стало. Главное, цензор теперь дол-

жен быть пропускать не только фамилию Баркова, но и его произведения.

Чем отличился Георгий Пантелеймонович в очень трудное время арестов и посадок? Здесь я ссылаюсь на воспоминания дочери, Макогоненко – Дарьи Георгиевны:

Во время блокады мой отец, Георгий Пантелеймонович Макогоненко, работал заведующим литературным отделом Ленинградского радиокомитета.

Однажды жена академика Виктора Максимовича Жирмунского сказала моему отцу, что её мужа только что арестовали.

Во время своего ближайшего очередного дежурства, которое проходило в кабинете художественного руководителя Ленинградского радиокомитета Якова Бабушкина, отец дождался ночи и, воспользовавшись одной из «вертушек», стоявших в кабинете, позвонил начальнику тюрьмы, куда был доставлен В. М. Жирмунский.

Он ушёл, во-первых, то, что ночь – наиболее верное время для звонка (именно ночью работал Сталин), во-вторых – то, что по «вертушке», с точки зрения начальника тюрьмы, зря звонить не станут, в-третьих – то, что с первого раза никто фамилии его не разберёт, и, наконец, то, что говорить нужно «начальственным» тоном. Именно таким тоном отец приказал начальнику тюрьмы немедленно освободить В. М. Жирмунского. Виктора Максимовича тотчас же освободили.

Понятно, что такого человека любовно вспоминают все –

от бывших его студентов до его коллег.

Г. П. Макогоненко был профессором и завом кафедры русской литературы Ленинградского университета, по совместительству работал в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Подготовил издания К. Батюшкова, Н. Карамзина, А. Радищева, Д. Фонвизина, Г. Державина, Н. Новикова. Написал бессчётное количество работ по русской литературе XVIII и XIX веков.

О его главной черте, в том числе и как учёного, хорошо, на мой взгляд, сказал В. Вацуро:

Человек большой смелости и гражданского мужества, Г. П. Макогоненко сохранял свои научные и гражданские принципы при всех колебаниях конъюнктуры, не отступая от них и тогда, когда это было связано с риском для него самого, и это определило тот этический пафос, которым отмечена и его научная и литературная деятельность.

Скончался Георгий Пантелеймонович 3 октября 1986 года. (Родился 10 апреля 1912-го.)

Именем Филиппа Фёдоровича Фортунатова, выдающегося нашего лингвиста, названы два закона: «закон Фортунатова», описывающий условия возникновения древнеиндийских ретрофлексных звуков, и «закон Фортунатова-де Со-

сюра» (независимо сформулированный также Ф. де Сосюром), относящийся к балтославянской исторической акцентологии и описывающий эволюцию одного из типов ударения в балтийских и славянских языках.

А что до грамматики, то Фортунатов особенно подчёркивал роль морфологических (или «формальных» – откуда название его школы) коррелятов языковых значений и, в частности, предложил нетрадиционную классификацию частей речи, основанную практически только на морфологических критериях.

При этом следует учесть, что, что взгляды Фортунатова не были сформулированы в целостном виде. Они во многом реконструируются на основе анализов отдельных примеров и текстов лекций. Не все работы Фортунатова опубликованы до сих пор. А с другой стороны, идеи Фортунатова, высказанные им на протяжении двадцатипятилетнего преподавания, оказали огромное влияние на последующее поколение отечественных лингвистов и во многом подготовили почву для появления российского структурализма в лице Н. С. Трубецкого и Р. О. Jakobsona. Jakobson очень ценил Фортунатова и много сделал для его памяти. Непосредственными учениками Фортунатова являются Д. Ушаков, А. Шахматов.

Скончался академик Фортунатов 3 октября 1914 года. (Родился 14 января 1848-го.)

4 октября

Стасик Лесневский был довольно близким моим товарищем ещё со времён, когда он работал в журнале «Юность». Работал недолго. Я приходил к нему в журнал, он приходил ко мне в «Литературную газету», и мы подружились.

О нём рассказывали много интересного.

Например, как он чуть не сорвал конференцию по Маяковскому, которая проходила в Дубовом зале ЦДЛ (рестораном он стал позже, когда пристроили здание на улице Герцена, то есть на Большой Никитской, как она прежде и сейчас называется). Лесневский, тогда студент филологического факультета МГУ, забрался на балюстраду и сверху своими репликами сбивал с толку тех, кто не признавал Маяковского лучшим и талантливейшим. В конце концов, его попросили уйти. Он побежал по залу, выкрикивая оскорбительные тирады. Его хотели поймать, но изловить не сумели. А в университете дело замяли.

В начале 60-х в самый разгар хрущёвской оттепели Стасик вошёл в комиссию от партбюро и профсоюза издательства «Советский писатель», где он тогда работал. Комиссии было поручено проверить неприглядные факты из жизни директора правления «Советского писателя» Н. В. Лесючевского. Его обвиняли в том, что он способствовал аресту поэта Заболоцкого и ещё нескольких писателей при Сталине.

Факты подтвердились. Лесючевский должен был подать заявление об уходе. Но горком затягивал с требованием этого заявления, переживал в связи с очень колеблющейся непостоянной политикой Хрущёва по этому вопросу.

Я в это время учился в МГУ, и утверждали, что и у нас подобная комиссия проверяла поведение декана Романа Самарина в сталинское время. Во всяком случае, должность декана Самарина потерял. Но остался заведовать кафедрой иностранной литературы.

И Люсичевский в конце концов уцелел. И отомстил тем, кто собирался его гнать. Выгнал их сам. В том числе и Сталика.

Станислав Стефанович Лесневский (4 октября 1930 – 18 января 2014) был человеком смелым. Это он годами добивался, чтобы в блоковском Шахматове проводились юбилейные вечера, чтобы открылся там музей. По этому поводу ему приходилось иметь дело то с горкомом партии Москвы, то с московским обкомом. Надеясь получить больше политического веса, он согласился войти в партбюро московской писательской организации. И это оказалось его трагедией. Потому что его заставили принять участие в исключении из Союза писателей Владимира Войновича.

Это пятно он пытался смыть с себя всю оставшуюся жизнь. Дерзил начальству. Прорвал блоковские мероприятия чуть ли не через голову горкома и обкома. В перестройку стал членом редколлегии легендарного «Огонька» Коротки-

ча. В 1996 году его сделали координатором комиссии по подготовке международного суда над КПСС и практикой мирового коммунизма. Но до суда дело не дошло. Ельцин был решителен только в самом начале своего правления, а в 96-м ему пришлось приложить большие усилия, чтобы переизбраться в президенты. А, переизбравшись, пойти на огромные уступки своим оппонентам.

Был Стасик преданным поклонником Блока. Писал о нём. Принял приглашение войти в Блоковскую группу ИМЛИ для подготовки полного собрания Блока. Собирал материалы, писал комментарии, писал в «Литературную газету» жалобу, что издание застопорилось. В конце концов, получив от своей сестры Ирэн Лесневской в подарок издательство «Прогресс-Плеяда», выпустил там 1-й том Блока, очень мощный по редакторско-комментаторским материалам. Рассчитывал выпустить второй. Но для этого нужно было сидеть в архивах так же, как и в работе над первым, а времени на архивы у Лесневского уже не было: погрузился с головой в работу издательства.

Хорошее было издательство, выполнявшее просветительские задачи.

Ну, кто не знает четырёхтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля?

Менее известно, что этнограф, собиратель фольклора Владимир Иванович Даль, умерший 4 октября 1872 года, а родившийся 22 ноября 1801-го, собранные песни отдал Петру Васильевичу Киреевскому, а собранные сказки – Александру Николаевичу Афанасьеву. Его богатейшая коллекция лубков поступила в Императорскую публичную библиотеку и вошла впоследствии в издания Ровинского.

Отец Даля – обрусевший датчанин принял российское подданство вместе с именем Ивана Матвеевича. Был он богословом и медиком, знал немецкий, французский, английский, русский, идиш, латынь, греческий и древнееврейский языки. Мать Даля Мария Христофоровна знала пять языков. Так что Даль пошёл в родителей, свободно владел 12 языками и сверх этого понимал тюркские.

Для своих художественных произведений Даль взял псевдоним «Казак Луганский» в честь своего родного Луганска. Он считал своей родиной Россию и, посетив Данию, писал: *«Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».*

Вообще-то по образованию Даль был врачом: учился в Дерптском университете на медицинском факультете. Как врач, хорошо показал себя в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и в польской кампании 1831 года.

С марта 1832 года служил ординатором в Петербургском военно-сухопутном госпитале и вскоре стал знаменитостью

города.

Позднее, оставив хирургическую практику, Даль не ушёл из медицины, пристрастившись к гомеопатии и офтальмологии. Ему принадлежит одна из первых статей в защиту гомеопатии.

Как литератора его прославили «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пяток первый» (1832). Ректор Дерптского университета пригласил Даля на кафедру русской словесности. При этом книгу приняли в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора филологии. Но её отклонил как неблагонадёжную министр просвещения.

Это произошло из-за доноса управляющего III отделением Н. А. Мордвинова на автора книги. Мордвинов нашёл, что книга написана простым слогом, приспособленным для низших слоёв общества, и что в ней содержатся насмешки над правительством. Бенкендорф доложил об этом Николаю, и осенью 1832 года во время обхода в госпитале, где работает Даль, его арестовывают и привозят к Мордвинову. А тот отправляет его в тюрьму. Василий Алексеевич Жуковский, наставник наследника императора цесаревича Александра, объясняет ему, в какой филологической яме оказалось правительство с книгой Даля, рассказывает о врачебной деятельности Даля на войне, где Даль получил два ордена и ме-

даль. Цесаревич пересказывает это отцу, и Николай распорядился освободить Даля.

Главное детище Даля «Толковый словарь», за первые выпуски которого он получил константиновскую медаль от Императорского географического общества, в 1868 году избран в почётные члены Императорской академии наук, а по завершении удостоен Ломоносовской премии, – так вот этот словарь издаётся с цензурными вымарками. Даль собрал ВСЕ слова живого языка, в том числе и скабрзные, матерные. И они объяснены Далем. Но при Николае, как в нынешней России, мат в печати – вне закона. Только в 1903 году вышло «исправленное и значительно дополненное издание, под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене», где вульгарно-бранная лексика дана в четвёртом томе. Но в советское время этим изданием пренебрегли, вернулись к цензурованному.

Даль работал над словарём 53 года жизни.

А кроме него, он выпустил ещё один капитальный труд «Пословицы русского народа». Поначалу он назвал его «Сборник пословиц» (1853) и, столкнувшись с цензурным запретом, вместо того, чтобы торговаться с цензурой, написал на титуле книги: «Пословица не подсудна». Только в 1862 году этот труд увидел свет.

Даль напечатал очень много книг разного характера. Он невероятно много сделал для своей родины России.

5 октября

Читали ли вы такое стихотворение

*– Лаврентий Берия мужчиной сильным был.
Он за ночь брал меня раз шесть...
Конечно,
Зимой я ела вишню и черешню,
И на моем столе,
Представь, дружочек,
Всегда стояла белая сирень.*

*– Но он преступник был,
Как вы могли?*

*– Да так,
Я проходила мимо дома Чехова,
Когда «Победа» черная подъехала
И вылезший полковник предложил
Проехать с ним в НКВД...
О Боже,
Спаси и сохрани!..
А за углом
Был дом другой,
И я ревя редела,
Когда меня доставили во двор.*

*Но расторопно-вежливый полковник
Помог любезно выйти из машины,
По лестнице провёл проходом узким
И в комнате оставил у бильярда
Наедине со страхом ледяным.*

*Прошло минут пятнадцать...
Я пришла
В себя,
Когда раскрылась дверь внезапно,
И сам Лаврентий вышел из-за шторы
И сразу успокоил,
Предложив
Сыграть в «американку» на бильярде.*

*– Как это страшно!..
– Поначалу страшно,
Но я разделась сразу, – В этом доме
Красавицы порою исчезали,
А у меня была малютка-дочь.*

*Да и к тому же это был мужчина
– В любое время деньги и машина,
Какая широта,
Какой размах!*

*Я отдавалась, как страна – грузину,
Шампанское – рекой,
Зимой – корзины*

*Сирени белой,
Он меня любил!..*

*– Но он сажал,
Расстреливал, Пытал!..*

– А как бы ты с врагами поступал?

Не знаешь...

И поймёшь меня едва ли.

А он ходил в батистовом белье,

Мы веселились,

Пили «Цинандали»

И шёл тогда

Пятидесятый год...

Стихотворение называется «Фрагменты диалога с Антониной Васильевой». Написано в 1977 году. Его автор Евгений Иванович Блажеевский (родился 5 октября 1947 года) прожил на свете относительно немного: умер 8 мая 1999-го на 52 году жизни. И, на мой взгляд, не дополучил той известности, которая выпала на долю его ровесников Ивана Жданова или Алексея Ерёменко.

Хотя, по мне, он сильнее и того и другого.

Не знаю, почему так получилось, но в последнее время он, кроме журнала «Континент», нигде не печатался. А «Континент» в России во времена, когда публика переставала вообще что-либо читать, не был популярным журналом, как некогда.

Да и статьи о Блажеевском авторитетных и уважаемых критиков (например, Станислава Рассадина) печатал тот же «Континент».

Между тем, Блажеевский на глазах – от одного цикла стихов в «Континенте» до другого – выросстал в крупного поэта. Но, как сказал он сам, *«для литературной известности часто важна маска, подменяющая собою живое лицо. Или, как теперь говорят, имидж – противное, жуужжащее, как парикмахерская машинка, слово... Бессмысленно ставить телегу впереди лошади, но имидж впереди таланта можно, да ещё как...»* Такой известностью Блажеевский брезговал. А другую в конце девяностых обрести уже было невозможно. Как некогда «эстрадная» поэзия хрущёвской оттепели, поэзия в эпоху позднего Ельцина или раннего Путина привлекала читателей тоже не своим духовным содержанием. От поэтов требовалось участие в конкурсах, номинированность на те или иные премии, получение их, – то есть как раз то, чем Блажеевский заниматься не хотел.

Поэтому и получилось так, что после первой книжки, вышедшей в 1984 году, вторая появилась только через десять лет, и то благодаря другу Блажеевского Юрию Кувалдину. Кувалдин выпустил книгу «Лицом к погоне» в своём издательстве «Книжный сад», которое, кажется, давно уже с тех пор перестало существовать.

После смерти Евгения Блажеевского вышли две его книги. Одна в 2001, другая в 2005 году. С тех пор – ни одной.

Что ж, он будто предчувствовал забвенье:

*Даётся с опозданием часто,
С непоправимым иногда,
Кому – взлохмаченная астра,
Кому – вечерняя звезда.
Воздастся с опозданием вечным
Художнику за то, что он
Один в потоке бесконечном
Был для потомков почтальон.
Даётся с опозданием горьким
Сознание, что сказать не смог
О тех, что горевали в Горьком,
В Мордовии мотали срок.
Воздастся с опозданием страшным
За то, что бросил отчий дом
И, пусть небрежным, карандашным
Родных не радовал письмом.
Даётся, душу поражая,
Как ослепительная новь,
По-настоящему большая,
Но запоздалая любовь...*

Мне думается, что когда развеется морок бескультурного китча (а он непременно развеется), когда вернётся общественная потребность в искусстве (а она непременно вернётся), со стихами Блажеевского произойдёт то же самое, что предсказывал для своих стихов Баратынский: «*Читателя*

найду в потомстве я». Я верю, что Евгения Блажеевского ждёт пусть запоздалая, но по-настоящему большая читательская любовь.

6 октября

Это стихотворение, поменяв «мой» на «ваш», пел Александр Николаевич Вертинский

*Мой чёрный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ласков и так мил!
Мои браслетки, кольца, брошки
Он убирал и в сундучке хранил
Но в чёрный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и подрост:
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушёл, и сундучок унёс!*

Стихотворение написала Надежда Александровна Лохвицкая, которая выступила в печати, взяв себе псевдоним Тэффи. Она начинала со стихов, и стихотворение о карлике – одно из ранних.

Кстати, она сама играла на гитаре и сочиняла музыку на свои слова. Так что вполне может быть, что и мелодия в стихотворении о карлике Вертинским не придумана.

Дебютировав в 1901 году, Тэффи быстро набирала литературную известность. Её рассказы печатались в самых известных юмористических изданиях того времени: «Сатирикон», потом «Новый Сатирикон».

В 1910 году одновременно вышли две её книги: поэтиче-

ская «Семь огней» и прозаическая «Юмористические рассказы». Поэтическая прошла почти незамеченной, а «Юмористические рассказы» раскупали охотно, быстро. Через год «Юмористические рассказы» стали двухтомными. С тех пор книги её прозы выходят каждый год до революции, а за её рассказами охотятся редакторы периодических изданий.

Её проза и драматургия становятся настолько популярны, что в продажу поступают духи «Тэффи» и конфеты «Тэффи».

Тэффи приняла деятельное участие в создании вместе с Аркадием Аверченко, Осипом Дымовым и Иосифом Оршером книги «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“» (1909, 1912). Несомненно, что именно такую традицию – облекать известные исторические факты в сатирические или юмористические формы подхватил Михаил Зощенко в своей «Голубой книге».

Поклонником таланта Тэффи был сам император Николай II, который попросил, чтобы её рассказы были напечатаны в книге, выходящей к 300-летию дома Романовых. Да и Ленин её охотно почитывал. По его указанию большевистские издания перепечатывали из эмигрантских рассказы Тэффи, высмеивающие быт покинувших Россию людей. Но оказавшаяся в эмиграции Тэффи добилась, чтобы подобные пиратские перепечатки были прекращены.

Стоит сказать, что до того, когда она этого добилась, четыре пиратские книги, изданные в СССР уже после смерти

Ленина в 1926-м и в 1927 году, принесли советским издателям хорошую прибыль.

Свою эмиграцию Тэффи объяснила весьма внятно: *«Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъярённых харь с направленным прямо мне в лицо фонарём тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти. Я так устала от всего этого. Я больше этого не хотела. Я больше не могла»*.

Но ужасы постреволюционных лет постепенно забывались в эмиграции. Юмор Тэффи носил всё более примирительный характер. Недаром Константин Симонов, приехавший после Второй мировой войны в Париж уговаривать Бунина вернуться в Россию, вспоминает о тёплом приёме, который оказала ему Тэффи.

Однако ни Бунин, ни Тэффи на родину не вернулись. Бунин, кстати, дружил с Тэффи, любил её творчество. Особенно нравился ему её рассказ «Городок». По воспоминаниям самой Тэффи, слушая его, Бунин хохотал до слёз:

Это был небольшой городок – жителей в нём было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров.

Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секваной, потом Сеной, а когда основался на ней городишко, жители стали называть её «ихняя Невка». Но старое название всё-таки помнили, на что указывает существовавшая поговорка: «живём,

как собаки на Сене – худо!»

Жило население скученно: либо в слободке на Пасях, либо на Ривгоше. Занималось промыслами. Молодёжь большею частью извозом – служила шофёрами. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты – в качестве цыган и кавказцев, блондины – малороссами.

Женщины шили друг другу платья и делали шляпки. Мужчины делали друг у друга долги.

Кроме мужчин и женщин, население городишки состояло из министров и генералов. Из них только малая часть занималась извозом – большая преимущественно долгами и мемуарами.

Мемуары писались для возвеличения собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие на пишущей машинке.

Жизнь протекала очень однообразно

Иногда появлялся в городке какой-нибудь театрик. Показывали в нём оживлённые тарелки и танцующие часы. Граждане требовали себе даровых билетов, но к спектаклям относились недоброжелательно. Дирекция раздавала даровые билеты и тихо угасала под торжествующую ругань публики.

Была в городишке и газета, которую тоже все желали получать даром, но газета крепилась, не давалась и жила.

Общественной жизнью интересовались мало. Собирались больше под лозунгом русского борца,

но небольшими группами, потому что все так ненавидели друг друга, что нельзя было соединить двадцать человек, из которых десять не были бы врагами десяти остальных. А если не были, то немедленно делались.

Местоположение городка было очень странное. Окружали его не поля, не леса, не долины, – окружали его улицы самой блестящей столицы мира, с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои. И в музеи и галереи редко кто заглядывал. Некогда, да и к чему – «при нашей бедности такие нежности».

Жители столицы смотрели на них сначала с интересом, изучали их нравы, искусство, быт, как интересовался когда-то культурный мир ацтеками.

Вымирающее племя... Потомки тех великих славных людей, которых... которые... которыми гордится человечество!

Потом интерес погас

Из них вышли недурные шофёры и вышивальщицы для наших увруаров. Забавны их пляски и любопытна их музыка...

Жители городка говорили на странном арго, в котором, однако, филологи легко находили славянские корни.

Жители городка любили, когда кто-нибудь из их племени оказывался вором, жуликом или предателем.

Ещё любили они творог и долгие разговоры по телефону.

Они никогда не смеялись и были очень злы.

По правде сказать, хохотать до слёз тут не над чем. Да и не рассчитана эта трагикомическая картина на хохот.

Но Тэффи, очевидно, имела в виду, что Бунин смеялся сквозь слёзы: ведь и он был жителем этого городка.

Умерла Тэффи на год раньше Бунина 6 октября 1952 года.
(Родилась 6 мая 1872 года.)

7 октября

Новелла Николаевна Матвеева, родившаяся 7 октября 1934 года, в представлении не нуждается. Кто же не знает известного поэта, барда? Её песни выдержаны в традиции Александра Грина – волнующие таинственной экзотикой. Они у всех на слуху.

Стихов Новелла Матвеева написала много. Она их пишет с детства. Рискну привести не слишком зацитированные. Например, «Погоня»:

Счастливчик

В прозе и в стихах

Толкует о свободе

Но если есть она в верхах,

То нет её – в народе.

Так ущемлён не может быть

Никто в подлунном мире!

Ни свой домишко защитит,

Ни выступит в эфире

Не может русский человек!

А ежели, с разгону,

Негаданно, сквозь мрак и снег

Прорвётся к микрофону, —

То голос у него дрожит,

Как птаха на ладони...

Как будто всё ещё бежит

Или вот это, которое мне тоже нравится выражением горестного чувства, мягким, но принципиальным декларированием собственных принципов:

*Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.
Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали – я рвусь к истокам
А я-то – к устью.
Разлукой больше не стращала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я – прощалась.*

8 октября

Андрея Донатовича Синявского (родился 8 октября 1925 года) я знал в основном по статьям и особенно по рецензиям в «Новом мире» А. Твардовского. Видел его несколько раз в ИМЛИ, но знакомы мы не были. Последней его работой, которую я прочитал до его ареста, была вступительная статья к стихотворениям Б. Пастернака, вышедшим в серии «Большая библиотека поэта».

А до этого читал ещё его книгу «Пикассо», написанную в соавторстве с И. Голомштоком, и написанную в соавторстве с А. Меньшутиным книгу «Поэзия первых лет революции. 1917—1920».

Потом я читал гнусные статьи Д. Ерёмина и З. Кедринной, которые навсегда закрепили за их авторами репутацию людей из КГБ, читал письмо 63 писателей, предложивших отдать им арестованных Синявского и Ю. Даниэля на поруки, читал злобную речь Шолохова, где он жалел, что с Синявским не расправились по законам революционного времени, то есть «не пустили в расход». Знал, что в день конституции 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади состоялся митинг, потребовавший гласного суда над Синявским и Даниэлем. Тогда же впервые услышал имя Александра Сергеевича Есенина-Вольпина, сына Сергея Есенина. Есенина-Вольпина и ещё несколько человек увезли с митинга на допрос

работники госбезопасности. Но отпустили. Это был первый митинг на Пушкинской. В дальнейшем госбезопасность была не столь миролюбива.

А после прочитал я и Абрама Терца (Синявский) и Николая Аржака (Даниэль). Терц мне не понравился, а у Аржака понравилась только «Говорит Москва».

Впрочем, я говорю только о тех книгах, за какие они были арестованы – Синявский и Даниэль. Не помню, входила ли в этот перечень работа Терца «Что такое социалистический реализм». Если входила, то извиняюсь – эта работа мне понравилась.

А послетюремные вещи Терца «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя» (об этой книге прекрасную работу «Письма из Мёртвого дома» написал самарский учёный В. Ш. Кривонос), «Спокойной ночи» меня равнодушным не оставили. Было смешно читать стенограмму пленума Союза писателей РСФСР, где все выступавшие облаивали Синявского (Терца) за его книгу «Прогулки с Пушкиным». Весёлая эта книга своим тоном у меня вызвала в памяти знаменитое определение Блока: «Весёлое имя Пушкин».

Стенограмма производила впечатление, что Синявского ненавидят не столько за Пушкина, сколько за то, что он выбрал для себя еврейский псевдоним. Кажется, что выступавшие намного чаще произносят «Абрам Терц», чем «Пушкин». Иногда автора называют: «Синявский-Терц», но в таком контексте, который свидетельствует, что речь

идет о страшном предательстве веры человеком, перешедшим из православия в иудаизм.

Синявский останется в памяти (он умер 25 февраля 1997 года) как весёлый человек, умевший подмечать смешные явления жизни, относившийся к советскому строю как к гротеску, как к общественному нонсенсу.

Александр Борисович Раскин (родился 8 октября 1914 года) окончил в 1938-м Литературный институт. В сороковые годы работал в журнале «Крокодил». Тем не менее, многие его эпиграммы существовали только в устной передаче: публиковать их было опасно.

На основе мюзикла «Звезда экрана», написанного им в соавторстве с Морисом Слободским, был создан кинофильм «Весна».

Изданы сборники пародий и эпиграмм «Моментальные биографии» (1959), «Люблю грозу в начале мая...» (1975).

Эпиграммы он писал весёлые. Например, «А. Твардовскому»

*В нём редактор борется с поэтом.
Как поэт он написал об этом,
А потом (довольно важный фактор!)
Пропустил поэму, как редактор*

Или некому «члену редколлегии». Какого издания, не указано. Но Раскин обращается, так сказать к обобщённому работнику:

*Заботы у него хватает:
Свой труд тяжёлый возлюбя,
Сам пишет он, и сам читает
И сам печатает себя.*

А эпиграмма на некоего «принципиального»? Сколько таких принципиальных доводилось встречать»:

*Принципиален до конца
Голосовал за подлеца
И говорил: в конце концов,
Я видел худших подлецов.*

До сих пор популярны книги Раскина, скончавшегося 4 февраля 1971 года, для детей «Как папа был маленьким» и «Как маленький папа учился в школе».

Жаль, что у нас почти неизвестна Екатерина Алексеевна Сысоева (родилась 8 октября 1829 года). Она – автор очаровательной книжки «История маленькой девочки», написан-

ной по всей очевидности на автобиографическом материале. Кроме того, она создала несколько художественных биографий: «От бревенчатой хижины до Белого дома, жизнь Дж. Гарфильда», «Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских островах», «Жизнь Гарриет Бичер Стоу».

С 1882 года она издавала детский журнал «Родник», пользующийся популярностью.

Она перевела роман Виктора Гюго «Девяносто третий год», повесть для детей Сесилии Джемисон «Леди Джейн», роман Ганса Кристиана Андерсена «Только скрипач».

А ещё она способствовала развитию просвещения в России. В её журнале «Воспитание и обучение» печатались лучшие педагоги того времени В. П. Авенариус, Н. И. Позняков, Д. Н. Кайгородов. Она перевела Г. Спенсера «Воспитание нравственное и физическое», Ч. Дарвина «Половой подбор», Э. Маха «О звуковых ощущениях».

Словом много доброго сделала эта незаслуженно забытая ныне женщина, скончавшаяся 4 декабря 1893 года!

9 октября

С Ильёй Львовичем Френкелем (родился 9 октября 1903 года) я познакомился в Харькове, куда мы выезжали от Союза писателей для участия в конференции. Меня попросили выступить с группой поэтов, среди которых был Илья Львович, в местной библиотеке.

Френкель удивил меня тем, что прочитал одно только стихотворение и то – очень известное, ставшее популярной песней «Давай закурим».

Он подробно рассказал историю создания песни. Френкель напечатал стихи в «Комсомольской правде». У них был подзаголовок «Песенка Южного фронта». А на Южном фронте вместе с ним воевал Модест Табачников, который сочинил мелодию. Табачников, приехав в Москву в 1942-м, показал песню Клавдии Шульженко, которая включила её в свой репертуар. С тех пор песня стала популярной.

Слушатели просили Илью Львовича прочитать ещё что-нибудь. Но Френкель мягко, но решительно отказался: «*Простите, я не в голосе*». А мне, который после этого вечера спросил у него: почему он не стал больше ничего читать, со смущённой улыбкой ответил: «*Потому что ничего лучше я уже не написал!*»

Он выпустил немало сборников стихов. Дарил мне. Я читал их и вспоминал смущённую улыбку Ильи Львовича: «*Ни-*

чего лучше я уже не написал».

Это так и есть.

Умер Илья Львович 2 марта 1994 года.

Николай Владимирович Станкевич (родился 9 октября 1813 года), основатель так называемого «кружка Станкевича», который поначалу был исключительно студенческим, но потом перерос рамки университета или, лучше сказать, вырос из этих рамок.

Кружок противопоставлялся другому кружку – Герцена и Огарёва, где изучали учение Сен-Симона и французских утопистов-социалистов, следили за жизнью июльской монархии, вспоминали об империи Наполеона. А кружок Станкевича к политике был равнодушен, изучал немецких философов, занимался вопросами эстетики и литературы. Входили в него, кроме самого Станкевича, Белинский, Грановский, И. Аксаков, Катков, Лермонтов, Кольцов, Василий Боткин и ещё несколько менее известных людей. Впоследствии многие из кружковцев станут друг другу оппонентами, будут друг с другом дискутировать и довольно бурно. Но в тридцатые годы их сплачивал вокруг себя Станкевич своим, как вспоминали кружковцы, обаянием, умом, любовью к искусству, к немецкой и французской литературе, своим эстетическим чутьём на таланты. Станкевич не был руководите-

лем, но был организатором. Кружковцы не были его учениками, но признавали его авторитет, который позволял ему быть центром кружка.

В 1834 году Станкевич уезжает в деревню, где решает держать экзамен на магистра по истории. Однако, прочитав Геродота, Фукидида, перечитав древнегреческие исторические памятники, отказывается от этого. Занятия историей представляются ему односторонними. Он соглашается принять должность почётного смотрителя Острогодского уездного училища. На этой должности он хочет осуществить такие радикальные меры, как уничтожение телесного наказания в школах, введение в уездных училищах ланкастерской, взаимной системы обучения. Но даёт знать о себе быстро развивающаяся болезнь, и он оставляет эти занятия.

В конце 1835 года он возвращается в Москву, где знакомится и сближается с Бакуниным и мечтает о поездке за границу, в Германию, на родину любимых философов Шеллинга, Фихте, Канта и Гегеля. Знакомство с сестрой Бакунина Любовью Александровной быстро переросло в роман, который принёс Станкевичу сильные душевные потрясения. В 1837 году, уже объявив Бакунину своей невестой, он вдруг усомнился в собственных чувствах и не смог ни отказаться от брака, ни согласиться на него. По всей очевидности, Любовь Александровна потрясена была никак не меньше Станкевича. Когда он в 1839 году находился за границей, пришло известие о её смерти.

В 1837 году он выехал на воды в Карлсбад, где прошёл успешное лечение и набрался сил для поездки в Берлин и житья в нём. Он снял квартиру в том же доме, где в это время жили его друзья Неверов и Грановский. Он с энтузиазмом посещал лекции некоторых видных профессоров Берлинского университета, брал private уроки по философии.

Помимо научных занятий Станкевич окунулся в театральную жизнь Берлина, посещает его музеи. Выезжает в Дрезден ради знаменитой художественной галереи, едет на родину Гёте и Шиллера в Веймар.

Однако болезнь вновь брала своё, и врачи посоветовали Станкевичу ехать в Италию.

По пути в Италию он остановился в швейцарском Базеле, где узнал о смерти Л. А. Бакуниной.

В Риме он встретился с Тургеневым и сдружился с ним. Тургенев оставил воспоминание об этом периоде жизни Станкевича, о том, как однажды, читая вслух Пушкина, он закашлялся, поднёс ко рту платок: на нём оказалась кровь. Улыбнувшись, он продолжил чтение.

В мае 1840 болезнь обострилась, но в июне Станкевичу стало лучше, и он отправляется во Флоренцию, а из неё – в Милан, до которого не доехал. Ему стало плохо, и 25 июня он скончался.

Я хорошо знал Владимира Александровича Лифшица, который нередко приходил в «клуб 12 стульев» в «Литературной газете», где периодически в разных жанрах печатался Евгений Сазонов – любимец читателей, имя и фамилия которого был коллективным псевдонимом разных юмористов и сатириков, в том числе и Лифшица.

Я знал его как детского поэта: любил ребёнком его стихи. Например, «Шинель»:

*Висит на вешалке шинель
Зелёного сукна
И дождь, и слякоть, и метель
Изведала она.
У ней протёрты обшлага
И выцвел воротник.
И беспощадный штык врага
В её рукав проник.
Отец закончил в ней поход.
Теперь на нём не то:
Он в кепке ходит на завод,
В калошах и в пальто.
А я люблю в его шинель
Зарыться с головой,
И мне мерещится метель*

И дым пороховой

Позже прочитал его книгу «Избранные стихи», изданную «Советским писателем» в 1974 году. И оценил его как поэта. Не только как детского. Его стихи грустны и лиричны:

*Час придёт, и я умру,
И меня не будет.
Будет солнце поутру,
А меня не будет.
Будет свет и будет тьма,
Будет лето и зима,
Будут кошки и дома,
А меня не будет.
Но явлений череда,
Знаю, бесконечна,
И когда-нибудь сюда
Я вернусь, конечно.
Тех же атомов набор
В сочетанье прежнем.
Будет тот же самый взор,
Как и прежде, нежным.
Так же буду жить в Москве,
Те же видеть лица.
Те же мысли в голове
Станут копошиться.
Те же самые грехи
Совершу привычно.
Те же самые стихи*

*Напишу вторично.
Ничего судьба моя
В прошлом не забудет.
Тем же самым буду я...
А меня не будет.*

Знал Владимира Лифшица как юмориста и пародиста. Со времён освобождения врачей по их знаменитому делу сразу же после смерти Сталина по Москве пошли гулять такие куплеты:

*Дорогой профессор Вовси, за тебя я рад,
Потому что, значит, вовсе ты не виноват.
Зря сидел ты, зря томился в камере сырой,
Подорвать ты не стремился наш советский строй.
Дорогой профессор Коган, знаменитый врач,
Ты оправдан, ты растроган, но теперь не плачь.
Вы лечили днём и ночью, не смыкая глаз,
А лягавая зараза капала на вас.
Ты себе расстроил нервы, кандидат наук,
Из-за этой самой стервы, подлой Тимашиук.
Слух давно прошёл в народе – это всё мура
Пребывайте на свободе, наши доктора!*

Любопытно, что по Москве эти стихи ходили ещё с одним куплетом:

Дорогой товарищ Фельдман —

*Ухо-горло-нос,
Ты держал себя, как Тельман,
Идя на допрос.*

Я хорошо помнил этот вариант из четырёх четверостиший. И Бенедикт Сарнов в своей книге «Перестаньте удивляться» тоже цитирует приведённый мной куплет. Но я списал три куплета без четвёртого из воспоминаний сына Владимира Александровича – тоже прекрасного писателя Льва Лосева. Похоже на то, что куплеты Лифшица ушли в фольклор и выросли там.

А пародия Лифшица на оду – «На смерть Хрущёва»? Точнее, не совсем на оду. Просто две первых строчки напоминают о стихотворении Чарльза Вольфа в переводе Ивана Козлова:

*Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы Хруща хоронили.
Его закопали почти что тайком,
Он спит в неприметной могиле.
А мог бы Никита Сергеич вполне
Покоиться в урне, в кремлевской стене.
Хотя он, конечно, кой-где подзагнул,
Простится грехов ему тыща:
Невинных Никита из ссылки вернул,
Трудягам построил жилища.*

*Народ ему много за это прощал
И даже гордился не втуне,
Когда он в ООНе буржуев стращал,
Туфлёю лупил по трибуне.
Не знаю, по чьей это вышло вине
Но с ним обоились некультурно:
Могла бы, могла бы в кремлевской стене
С Никитой покоиться урна.*

Знал я Владимира Александровича и как автора песен
к кинофильмам «Карнавальная ночь», «Девушка без адреса»
и некоторым другим.

Умер 9 октября 1978 года. (Родился 5 ноября 1913 года.)

О Михаиле Матвеевиче Хераскове известно прежде всего, что он автор огромной эпической поэмы «Россиада», читать которую нынче всё-таки затруднительно. Менее известно, что именно Херасков создал университетский благородный пансион, где позже учились В. Жуковский, Ф. Тютчев, М. Лермонтов и другие литераторы.

Херасков был очень плодовитым литератором. Кроме «Россиады», он написал ещё три героических поэмы, три эпических и одну дидактическую. Написал девять трагедий, две комедии, пять так называемых «слёзных драм» (то есть

драм в виде сентиментальных трагедий или комедий), издал ещё два сборника лирических стихотворений, книгу басен и три романа.

Именно Херасков автор масонского гимна «Коль славен наш Господь в Сионе» (музыка Бортнянского).

Карамзин сказал: *«Мы еще бедны писателями. У нас есть несколько поэтов, заслуженных быть читанными: первый и лучший из них – Херасков».*

А Пушкин выбрал из «Россияды» для эпиграфа к одной из глав «Капитанской дочки» стихи, которые вполне можно считать одними из лучших стихотворений своего времени:

*Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой.
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.*

Михаил Матвеевич умер 9 октября 1807 года. (Родился 5 ноября 1733 года.)

10 октября

Первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин родился 10 октября 1870 года. Сперва писал стихи, дебютировал с ними в печати в 1887 году. За стихи, собранную в книгу «Листопад» (1901), и за перевод поэмы американского поэта Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» получил престижную Пушкинскую премию в 1903 году. Он ещё дважды получил эту премию за стихи и переводы Байрона (1909) и за стихи, опубликованные в 3 и 4 томе его «нивского» собрания сочинений (1915).

Первую прозаическую вещь – «Антоновские яблоки» опубликовал в 1900-м. Поначалу был близок Горькому и «знаньевцам». Его «Деревня» (1910) и «Суходол» (1911) воссоздают жестокий деревенский быт. И вызывают яростные нападки критиков на позицию писателя. Бунин отвечает им:

Критики обвиняют меня в сгущении красок в моих изображениях деревни. По их мнению, пессимистический характер моих произведений о мужике вытекает из того, что я сам барин.

Я хотел бы раз навсегда рассеять подозрение, что никогда в жизни не владел землёй и не занимался хозяйством. Равным образом никогда не стремился к собственности.

Я люблю народ и с неменьшим сочувствием

отношусь к борьбе за народные права, чем те, которые бросают мне в лицо «барина».

А что касается моего отношения к дворянству, это можно увидеть хотя бы из моей повести «Суходол», где помещичья среда изображается далеко не в розовых, оптимистических красках.

Это заявление он сделал в одном из интервью, которых в те годы даёт много. Журналисты охотятся за ним. Он рано вошёл в число знаменитых писателей. Уже в 1909 году Петербургская академия наук избирает его своим почётным членом по разряду изящной словесности.

Октябрьскую революцию он не принял. Написал о ней очень резко в своей дневниковой книге «Окаянные дни», приветствовал генерала Деникина, взявшего Одессу во время гражданской войны, сотрудничал в его агентстве ОСВАГ.

В феврале 1920 года навсегда покинул Россию. Он и в дальнейшем с ненавистью отзывается о большевистских вождях. К примеру: *«Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей...»* Он так и не простит им их преступлений. О чём напишет книгу «Воспоминания. Под серпом и молотом» (1950).

В эмиграции он стал одним из вершинных русских писателей, написал лучшие свои вещи «Митина любовь» (1924), «Солнечный удар» (1925), «Жизнь Арсеньева» (1927—

1929 и 1933). «Жизнь Арсеньева» по Паустовскому, «одно из замечательнейших явлений мировой литературы».

Его «Освобождение Толстого» (1937) и незаконченное «О Чехове» примыкают к лучшим произведениям, когда-либо написанным об этих писателях. И тем и тем Бунин восхищался.

Сталин, который сумел перед войной заполучить Куприна, правда, уже почти лишённого разума, очень хотел, чтобы лауреат Нобелевской премии Бунин вернулся в СССР. Для уговоров писателя посылал А. Н. Толстого, потом К. Симонова. И Бунин чуть не совершил роковой ошибки. Дело было сразу после войны. Россия для Бунина была страной-победительницей, одолевшей коричневую чуму нацизма. А Сталин стоял во главе этой страны.

Но почти уже готового к возвращению Бунина остановил номер «Правды» с постановлением ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Прочитав, как отзывается Жданов об Ахматовой и Зощенко, Бунин распаковал чемоданы. Умер в Париже 8 ноября 1953 года.

Бунин писал прекрасную прозу и прекрасные стихи. Цитирую незацитированное:

*У ворот Сиона, над Кедром,
На бугре, ветрами обожжённом,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокажённым,
Евшим зёрна спелой белены.*

*Он дышал невыразимым срадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: «Благословен аллах!»
Боже милосердный, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокажённый радостнее всех.*

Игорь Иванович Ляпин, родившийся 10 октября 1941 года, мне помнится всё время чем-то заведующим. То отделом поэзии в издательстве «Современник», то большим начальником (зам главного редактора) в издательстве «Советская Россия», то ещё большим – главным редактором издательства «Детская литература».

Молва связывала это с его удачным браком. Он был женат на дочери Сергея Сартакова, секретаря Союза писателей СССР, начальника всех издательств Союза писателей.

Но Ляпин окончил не только Литературный институт. Он учился ещё и в Академии общественных наук – кузнице номенклатурных кадров. Правда, его пригласили в «Современник» заведующим отделом ещё до учёбы в Академии. Так

что, может, молва и права.

У меня с ним, ещё не известным никому стихотворцем, случился прокол. Не помню, кто написал статью в «Литературную газету» об очередном «Дне поэзии». Статью вёл я. Взял этот «День», внимательно прочитал всё, что автор критикует, и со всем согласился.

А наиболее насмешливо автор писал о стихах Игоря Ляпина. Смысл его критики: тема взята достойная, патриотическая, тем обидней, что стихотворец дискредитировал такую тему. Ну, что против этого можно было возразить? И статью напечатали.

А через день вызывает меня наш куратор – зам главного редактора Кривицкий. «*Геннадий, – спрашивает, – хороший поэт Игорь Ляпин?*» «*Я такого не знаю*», – пожимаю плечами: я уже и фамилию забыл – не одного только Ляпина критиковал автор статьи. «*Ну, как же не знаете?* – удивляется Кривицкий. – *Вы ведь вели статью о „Дне поэзии“*». «*Ах, этот, – вспоминаю. – Я о нём и забыл. Какой-то новый графоман*». «*По поводу этого нового, – в голосе у Кривицкого металл, – Марков полчаса назад звонил Чаковскому и устроил скандал. Теперь думайте, как будем выпутываться*». «*Да что случилось!* – восклицаю. – *Кто – этот Ляпин?*» – «*Это вы должны были знать, а не я, – отвечает Евгений Алексеевич. – Марков из-за простого графомана скандалить не станет. Идите в библиотеку. Посмотрите, не вышла ли у Ляпина книга. Если вышла, срочно дадим ре-*

цензию, где заодно и ответим на критику».

Пошёл в библиотеку. Нет у Ляпина книг. Возвращаюсь. *«Тогда в номер ставим реплику, – говорит Кривицкий. – Её смысл: нельзя так обращаться с молодым поэтом. Стихи хорошие, патристические. А мастерство – дело наживное. Лучшие всего, если подпишет студент. Обратитесь к Румеру».*

Залман Румер заведует отделом писем. У него картотека: телефоны и адреса людей разных профессий. Они подпишут любую нужную газете заметку. Тем более что им выплатят гонорар.

Что ж. Напечатали мы такую реплику. А через короткое время передаёт мне Кривицкий книжку, подписанную Александрю Борисовичу Чаковскому. Автор – Игорь Ляпин. *«Только что вышла, – говорит Кривицкий. – Чаковский дал месяц сроку».*

Всё ясно. Звоню, заказываю рецензию. Сразу получаю согласие. *«С удовольствием, – говорит мне поэт-средняк, – напишу».* *«А кто этот Ляпин?»* – спрашиваю. *«Не знаешь?»* – удивляется собеседник. *– Он уже неделю, как заведует отделом поэзии в „Современнике“».*

Давно это было! С тех пор Ляпин, как я уже говорил, – постоянно на руководящих должностях. Последняя – первый секретарь Союза писателей России, правая рука председателя Союза Валерия Ганичева. На этом посту и умер 2 июня 2005 года.

11 октября

Конечно, Бориса Пильняка погубила «Повесть непогашенной луны», написанная в 1926 году. И совершенно неважно, что он был арестован через 11 лет – в 1937-м.

Сталин был злопамятен, но терпелив. Умел ждать. Смешно думать, что он простил Пильняку повесть, которая прямо-таки взывает к реальному убийству Фрунзе в 1925 году под ножом хирурга. Сомневаться, что Сталин приложил к этому убийству руку, не приходится. Ему не нужен был этот сменивший Троцкого председатель РВК и нарком-военмор. На таких ключевых постах ему нужны были проверенные свои люди. Типа Ворошилова или Будённого. Он и поставил Ворошилова на оба поста, оставленных Фрунзе, который поработал на них всего десять месяцев.

В том, что Сталин причастен к убийству Фрунзе, убеждает его речь, произнесённая на похоронах военмора:

Товарищи! Я не в состоянии говорить долго, моё душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе

одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей.

Вот почему так скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе.

Товарищи! Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась ещё одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым.

Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых кадров на смену старым.

Центральный Комитет Российской коммунистической партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе.

Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах.

Вот она – проговорка: *«чтобы облегчить выковку новых кадров на смену старым»*. Вот ради чего было задумано и осуществлено убийство! Недаром личный секретарь Сталина Борис Бажанов, бежавший на Запад, вспоминал о смер-

ти Фрунзе именно как об убийстве:

...я понимал, что он умер вовсе не естественной смертью. Пожалуй, каждый чувствовал тогда, что это был результат грязной игры. Его вдова, подозревавшая о случившемся, покончила с собой, а писатель Борис Пильняк в своей книге «Повесть о непогашенной луне» – с едким подзаголовком «Смерть командарма» – прямо указал пальцем на Сталина.

Правда, сам Борис Андреевич Пильняк (родился 11 октября 1894 года) утверждал вроде прямо противоположное:

Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Действительных подробностей его смерти я не знаю – и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоена. Всё это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нём подлинных фактов и живых лиц.

Но эта фраза Пильняка из предисловия к повести лукава: дескать, смерть Фрунзе – это всего лишь, как сейчас говорят на языке науки, – топос, который «наталкивает на мысль» о сходстве фабульных мотивов. Осведомлённому читателю трудно было не искать подлинных фактов и живых лиц в произведении, появившемся спустя очень короткое время после смерти легендарного командарма. Трудно представить, что

почти буквальное повторение жизненной фабулы в художественном произведении возникло случайно, что автор не оттолкнулся от недавнего, реального события.

Что власти себе этого представить не могли, говорит факт конфискации тиража пятого номера «Нового мира», где повесть была напечатана.

Так или иначе, но, написав «Повесть непогашенной луны», Пильняк подписал себе смертный приговор.

Ему могли простить «Голый год» (1922) – роман экспериментальный, формалистический, с рваной композицией. И даже не просто простить, но согласиться с тем, чтобы Пильняк стал председателем Всероссийского союза писателей. Почему бы и нет? Пильняк известен, интересен многим, ему подражают.

То есть какие-нибудь рапповцы, напостовцы не прощали Пильняку его талантливости. Но пока он не бросил вызов убийцам, его можно было терпеть. Другое дело – его жизнь после его вызова.

В 1929-м его снимают с поста председателя Всероссийского союза писателей за публикацию за границей повести «Красное дерево». С тех пор, кстати, передача советским писателем своей рукописи заграничному издателю стало считаться преступлением. Набросились на Пильняка и Замятина, который напечатал за рубежом повесть «Мы», с невероятной яростью. Прорабатывали обоих во всех органах печати. Хотя, в отличие от Замятина, не самом деле лично пере-

давшего рукопись, повесть Пильняка была направлена берлинскому издательству по каналам Всесоюзного общества культурной связи с заграницей – организацией государственной.

Но никто об этом не вспоминает. Похоже, что стая, набросившаяся на Пильняка и Замятина, отработывает верховный заказ: в адрес обоих несётся рёв, улюлюканье, разнужданное хамство. Я читал подшивку «Литературной газеты» того времени. Долго терзали обоих писателей. Причём наиболее неистово – Пильняка, хотя замятинская повесть была, конечно, несравненно смелее и непримиримей к действительности.

Да и не было ничего страшного в «Красном дереве». Не случайно, что Пильняку дали переработать эту вещь в роман «Волга впадает в Каспийское море» – о строительстве канала Москва-Волга, который преспокойно напечатали в 1930-м на родине.

Ему позволили съездить в Америку по приглашению Голливуда, написать об этом книгу «О'кей», укрепляющую традиции Горького и Маяковского охаивать американский империализм, противопоставлять ненавистной капиталистической действительности родную советскую, уважающую трудового человека, дающую ему все необходимые права и свободы.

Но старался он напрасно. В день рождения сына 27 октября 1937 года, который Пильняк с женой отмечали на да-

че в Переделкине, вечером появился незнакомый гость, пригласивший Пильняка к Николаю Ивановичу Ежову для выяснения какого-то невинного вопроса. «*Через час будете дома*», – успокаивающе сказал незнакомец. Через час Пильняк не появился. Он вообще больше нигде и никогда не появился. 21 апреля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его как японского шпиона к смертной казни. В этот же день он был расстрелян.

12 октября

Александр Григорьевич Архангельский, как и авторы сборника «Парнас дыбом», как позже Юрий Левитанский и три соавтора Л. Лазарев, Ст. Рассадин и Б. Сарнов, обладал даром имитации. Он исключительно точно мог передать стиль и дух пародируемого автора. Надо сказать, что это соответствует понятию пародиста. Пародия – не выдёргивание строчек у стихотворца и их обыгрывание, но, как писал Пушкин, «сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами...».

Архангельский обладал всеми слогами. Мог одинаково хорошо пародировать стихи и прозу. Вот, казалось бы, вещь, которую невозможно спародировать: она сама звучит, как пародия, – рассказ Зощенко «Баня». Помню, как читал его Игорь Ильинский, и как весь зал сотрясался от хохота. Но для Архангельского ничего невозможного нет:

СЛУЧАЙ В БАНЕ

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и вроде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит

– Что это, – говорит, – ёлки-палки, у тебя, между прочим, лицо индифферентное? Сходил бы, –

говорит, – в баньку. Помылся.

А я говорю: – Что ж, – говорю, – схожу. Помоюсь.

И пошёл

И что же вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу – караул кричат.

«Никак, – думаю, – кто мылом подавился или кипятком ошпарился?»

А из предбанника, между прочим, человек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. В чём дело, спрашиваем? Что, спрашиваем, случилось?

А человек бородой трясёт и руками размахивает.

– Караул, – кричит, – у меня пуп спёрли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа – голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плёвое дело. Ежели спёр что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Гляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

– А ну, – говорят, – гражданин, смойтесь.

А я говорю

– Смыться, – говорю, – можно. С мылом, – говорю, – в подштанники не полезешь. А только, – говорю, – напрасно себя утруждаете. Я, – говорю, – ихнего пупа не брал. У меня, – говорю, – свой есть.

– А это, – говорит, – посмотрим. Ну, смылся я.

Гляжу, – мать честная! Да никак у меня два пупа!

Человечек, конечно, в амбицию

– Довольно, – кричит, – с вашей стороны нахально
у трудящихся пупы красть! За что, – кричит, –
боролись?

А я говорю

– Очень, – говорю, – мне ваш пуп нужен. Можете, –
говорю, – им подавиться. Не в пупе, – говорю, – счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел.
А по дороге расстроился.

– А вдруг, – думаю, – я пупы перепутал? Вместо
чужого свой отдал?

Хотел было обратно вернуться, да плюнул. Шут, –
думаю, – с ним. Пуцай пользуется. Может, у него ещё
что сопрут, а я отвечай!

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые
подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Всё это я
из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил
я для того, чтобы вас посмешить. Чтоб вы животики
надорвали. Не смешно, говорите? А мне наплевать!

А вот пародия на стихи В. Луговского:

И так сочиняются ритмы и метры.

Про ветры и гетры и снова про ветры.

Как ветер лечу я на броневике

С винтовкою, саблей и бомбой в руке.

И голосом зычным поэмы слагаю

Назло юнкерью и назло Улагаю.

*То ямбом, то дактилем, то анапестом,
Наотмашь, в ключья, с грохотом, треском.
От первой строки до последней строки
Ветер играет в четыре руки.
Талант, говорят,
Кентавр, говорят,
Не глаза, говорят,
Фонари горят.
Ветер крепчает. В груди весна.
Строфы разворочены. Мать честна!
Эх, жить начеку
Молодым парнишкой.
Пулемёт на боку,
Маузер подмышкой.
До чего ж я хорош — Молодой да быстрый,
Под папашой вьётся клёш,
Да эх, конструктивистский.
Ветер, стой! Смирно! Равняйся!
На первый-второй рассчитайсь!
Кончается строчка.
Стоп!
Точка!.*

Умер этот волшебник перевоплощения 12 октября
1938 года. (Родился 16 ноября 1889.)

Уж и не знаю, что перевешивает в наследии Павла Николаевича Лукницкого (родился 12 октября 1902 года), – его стихи и проза или его дневниковые записи, его книга «Акумиана – встреча с Анной Ахматовой», изданная уже после смерти автора – в 1990-е годы?

Или его уникальная коллекция рукописных материалов поэтов Серебряного века, переданная семьёй Лукницкого в 1997 году в Пушкинский дом?

Или его трёхтомник «Ленинград действует», вобравший огромный фактический материал? В нём Лукницкий как бы отстраняется от демонстрируемого материала, не комментирует его.

Или, наконец, собрание и хранение архива Гумилёва, хлопоты по реабилитации расстрелянного поэта?

Лично мне очень нравятся воспоминания Павла Николаевича, его дневниковые записи, раскрывающие много интересного, как, например, вот эта – разговор с Ахматовой:

Заговорили об Анненском, о трагедиях его, в которых АА нашла сходство с «Путём конквистадоров». Не в «которых», впрочем, а в одном «Иксионе», потому что мотивы Лаодамии и Меланнипы были Николаю Степановичу в 4—5 годах чужды. А Иксион, человек, который становится богом, –

конечно, задержал на себе внимание Николая Степановича: это так в духе Ницше, которым Николай Степанович в ту пору увлекался. АА сделала заключение, что поэмы «Пути конквистадоров» сделаны как-то по типу притчи-трагедии, но из неё вынута действие. И АА заговорила о том, что в поэмах «Пути конквистадоров» нет действия не из-за неопытности Николая Степановича и неумения вложить его в стихи, а совершенно сознательно.

С 11 лет Лукницкий начал вести дневник.

Вообще-то он автор более 30 книг. Романы «Мойра» (1930), «Всадники и пешеходы» (1933), «Земля молодости» (1936), «Ниссо» (написан в 1939—1941, опубликован в 1946-м), «Делегат грядущего» (1970). Повести «Дивана» (1936), «Застава Двуречье» (1940). Многие сборники рассказов, очерков, повестей.

В Великую Отечественную он – военный корреспондент ТАСС. Помимо прочего, о блокаде Ленинграда есть ещё одна его книга «Сквозь всю блокаду», опубликованная в 1988-м – через пятнадцать лет после его смерти (умер 22 июня 1973 года).

Начинал он со стихов. В конце двадцатых – начале тридцатых выпустил две стихотворные книжки. Много стихотворений обращено к А. А. Ахматовой. Например, вот это четверостишие 1925 года:

Ангел мой, Анна, как страшно, подумай,

*В чёрном удушье одна ты, одна,
Нет такой думы, угрюмой, угрюмой,
Которую не выпила б ты до дна...*

Не скажу, что эти стихи мне нравятся, но они могут рассматриваться как пророческие. Судьба Анны Андреевны предсказана точно.

Мне кажется, что Пушкин хорошо относился к Александру Петровичу Сумарокову. Наверное, не зря он сделал Петрушу Гринёва последователем и подражателем Сумарокова, который, как сказано в «Капитанской дочке» читал стихи Гринёва и «очень их похвалял». Или стихотворение Пушкина «Французских рифмачей суровый судия...», строки из него:

*О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, марают бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша
Постойте...*

Они написаны в такой ритмико-синтаксической форме, за которой явно проступают строки очень известной в то время сумароковской «Эпистолы о стихотворстве»:

*О вы, которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,*

Престаньте воспевать!

Да и написано пушкинское стихотворение по тому же поводу, что «Эпистола» Сумарокова, который в ней сражался за чистоту профессии, против пустозвонства и неграмотности коллег.

Кстати, «Эпистола о стихотворстве» была ещё и ответом Ломоносову, который неодобрительно отнёсся к тому, что Сумароков писал любовные песни, широко расходившиеся в списках. Ломоносов был убеждённым сторонником гражданской поэзии, а из лирики признавал только оду.

Вместе с любовными песнями Сумарокову снискали известность его стихотворные трагедии «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750). Фактически с пьес Сумарокова начинается театр в России. Директором первого постоянного публичного театра был сам Сумароков. В 1772 году он написал лучшие свои комедии «Рогоносец по воображению», «Мать – совместница дочери», «Вздорщица», а годом раньше – самую известную свою трагедию «Димитрий Самозванец».

Издавал Сумароков с 1751 года первый русский литературный журнал «Трудолюбивая пчела».

Словом, его заслуги перед русской литературной несомненны.

Умер Александр Петрович 12 октября 1777 года. (Родился 25 ноября 1717 года.)

13 октября

Вообще больше всех для покойного Алексея Тимофеевича Прасолова (родился 13 октября 1930 года) сделала критик Инна Ростовцева, его близкая подруга. Помню, как она приходила в «Литгазету» с его стихами, как откликалась на его имя с всегдашней готовностью написать о нём, написать рецензию на вышедшую после его смерти (он покончил жизнь самоубийством 2 февраля 1972 года) очередную книжку стихов.

Известность пришла к Прасолову в 1964 году, когда Александр Твардовский опубликовал в «Новом мире» (№8) большую подборку его стихотворений. Прасолов рассказывал, что Твардовский помог составить его книжку «Лирика», которая вышла в 1966 году. Да, он приходил к нам в «Литературную газету», но близкого знакомства с ним ни у кого из нас не возникло: мешала его хроническая тяга к алкоголю.

Это потом, усилиями всё той же Инны Ростовцевой стихами Прасолова заинтересовался влиятельный критик Вадим Кожинов, написавший о нём, составивший его книги в издательстве «Советская Россия» в 1978-м и в соавторстве с И. Ростовцевой в 1983 году. Даже обычно не жаловавший современников поэт Юрий Кузнецов соглашался, что Прасолов – поэт настоящий. Он подарил мне книгу Прасолова, вышедшую в «Современнике» в 1988 году с его послесловием.

Разумеется, Кожин и Кузнецов прописали покойного поэта в свой русофильский лагерь, представили его выразителем их воззрений. Не знаю, проживи Прасолов больше, он, может быть, и соблазнился примкнуть к людям, имевшим большие возможности печатать своих сторонников и в периодике, и в издательствах. Но я помню Прасолова, читающего не только любимых Блока и Тютчева, но и любимых Твардовского и Слуцкого. И, конечно, свои стихи, многие из которых действительно прекрасны:

*Мирозданье сжато берегами
И в него, темна и тяжела,
Погружаясь чуткими ногами,
Лошадь одинокая вошла.
Перед нею двигались светила,
Кольхалось озеро до дна,
И над картой неба наклонила
Многодумно голову она.
Что ей, старой, виделось, казалось?
Не было покоя средь светил:
То луны, то звёздочки касаясь,
Огонёк зелёный там скользил.
Небеса разламывало рёвом,
И ждала – когда же перерыв,
В напряженье кратком и суровом
Как антенны, уши наострив.
И не мог я видеть равнодушно
Дрожь спины и вытертых боков,
На которых вынесла послушно*

Прекрасная переводчица «Малыша и Карлсона, который живёт на крыше» и вообще книг Астрид Линдгрэн, героиня пятнадцатисерийного телефильма «Подстрочник» Лилиана Зиновьевна Лунгина как раз в этом фильме так отозвалась об Алексее Александровиче Суркове: *«Это был злой, хитрый, опасный человек, типичный аппаратчик»*. Я Алексея Суркова злым или опасным не застал. Хотя имел с ним дело как сотрудник «Литературной газеты».

Конечно, я хорошо знал биографию этого номенклатурного работника, родившегося 13 октября 1899 года. Знал, что он был в руководстве РАППа. Знал, что работал он в журнале «Литературная учёба» под руководством Горького. Знал, что он воевал. Что написал знаменитую свою «Землянку», ставшую известной песней, после того, как попал в окружение, сумел выбраться из землянки и дойти до своих, его шинель была изрешечена осколками, и он произнёс, глядя назад: «До смерти четыре шага». А потом в один присест написал стихотворение и отправил родным в Чистополь треугольным солдатским письмом.

Великолепное стихотворение посвятил Суркову Константин Симонов.

Но знал я, конечно, и о том, что был он в руководстве Со-

юза писателей, а в 1953—1959 годах и его первым секретарём. Что он опубликовал статью против Пастернака ещё задолго до кампании с «Доктором Живаго». Что он переводил стихи Мао Цзедуна. Наконец, нисколько не удивился, увидев его подпись в «Правде» под письмом против Сахарова и Солженицына в августе 1973-го.

Хотя, мне кажется, что подпись свою он поставил вряд ли с большой охотой. Он умрёт через 10 лет – 14 июня 1983 года. Но и тогда в 1973-м был уже в солидном возрасте. А мне показалось в 1970-м, когда мы общались, что ему безумно хочется замолить свои грехи, которых было у него немало.

Но не хватило решимости отказаться. Прошлое подсказывало ему, что может сделать советская власть с отступником.

Мне он много рассказывал про своё окружение. Он презирал большинство тех, кто заслуживает презрение. Вспоминал, что помогал Ахматовой.

Сталина, который дал ему две сталинских премии – одну за песни в 1946-м, другую за бездарный сборник стихов «Миру – мир!» в 1950-м, при ком он был ответственным редактором «Огонька», ректором Литературного института, членом Центральной ревизионной комиссии партии, – так вот Сталина он не любил. Вспоминал о нём, как о злодее и душителе талантов. Старался откликнуться на какие-то новые веяния. Например, хорошо мне говорил о Вознесенском и Ахмадулиной. Я не был их горячим поклонником, но оценил его доброе расположение.

Я просмотрел сейчас его стихи. Подъём его поэзии приходится на войну. Тогда многие стали писать лучше, чем писали до неё. Но большинство после войны словно растеряли свои способности. Относится это и к Суркову. Хотя вот стихотворение 1951 года. По мне – пристойное:

*Когда устану или затоскую,
Взгляну в глаза, как в прозелень морскую,
Уйдёт усталость, и тоска отпрянет,
И на душе заметно легче станет.
Вот так вся жизнь – то хлопоты, то войны.
И дни без войн, как прежде, беспокойны:
Сегодня в Минске, завтра в Тегеране, —
Попробуй встречу загадай заране.
А сколько в суматохе каждой встречи
Признаний выпало из нашей речи!
А сколько мы, прощаясь на вокзале,
Заветных слов друг другу не сказали!
За встречами, за проводами теми
Невозвратно пролетело время.
Мы в тишине вдвоём не насиделись
Как следует в глаза не нагляделись.
И всё ж, мой друг, сомненьями не мучась,
Не злясь на эту кочевую участь
Взгляни в глаза мне, глаз не опуская,
Они всё те же – как волна морская.*

И вот я лежу. Существую. Вставать мне пока не надо. Да и что значит вставать? Это значит немного поползть по комнате или с писком отдаться всяческому тёплому кутанью, чтобы после, сидя у кого-нибудь на руках, переплыть через множество комнат и даже появиться ненадолго на улице. Вот это я уже помню: тот короткий период, когда я едва лишь начинал ходить и на прогулку носили меня на руках. Сколько мне было? Два? Или меньше? Не знаю. Но хорошо вспоминается и расшитый по тюлю какими-то блёстками полог нарядной кровати, и ещё кое-что из окружавших вещей. На фоне этих вещей – люди. Куда-то проносятся поверху. Лица – отдельно: нагибаются надо мной, улыбаясь мне, что-то шепчут. Отвечаю улыбками, иногда – слезами. Не всё в них понятно. Для них окружающий мир – нечто целое. Для меня он ещё клочковатый, раздёрганный ворох несросшихся слов и понятий. Для них всё в нём на месте и с места само не сойдёт. Для меня же всё вокруг ежеминутно меняет места, куда-то несётся и не может остановиться; ломается новыми гранями, рассыпается, собирается вновь, неожиданно, в новых местах. Удивительно. Вначале я тщетно пытаюсь поймать в этом вихре и как-то связать между собою хотя бы обрывки: пятна зелёной листвы за окном, голубые обои, фарфор

статуэток на полочке, кожаные корешки старых книг, солнца летучие брызги на потолке, на полу, на стене. В пробившемся светлом луче, взвихрена тёплым воздушным потоком, ерунда от ковров, мягкой мебели, книг и чего-то ещё стремится куда-то лететь. Но вот где-то открывается дверь, и вся мелкая взверть опрометью, словно с испуга, кидается в разные стороны.

По-моему, замечательное описание восприятия мира не умеющего ещё ходить ребёнка. Оно принадлежит Сергею Николаевичу Толстому. Это цитата из его автобиографической повести «Осуждённый жить».

Известный богослов, профессор Михаил Михайлович Дунаев назвал Сергея Николаевича «четвёртым Толстым». И это верно по своей литературоведческой сути.

Да, Сергей Николаевич своими произведениями доказал, что он действительно стоит в этом блестящем литературном ряду – Лев Николаевич-Алексей Константинович-Алексей Николаевич, имеет полное право стоять в нём.

Он – отдалённый родственник Льва Николаевича, представитель тверской ветви Толстых, которая, в отличие от тульской ветви, не титулована, то есть не является графской.

В 1915 году на войне погиб его старший брат Николай. В 1918-м родителей Сергея Николаевича расстреляли как заложников. В 1920-м расстреляли братьев Ивана и Алексея. Сергея Толстого воспитала сестра Вера старше его на два-

дцать лет.

В конце 1920-х его приняли в Союз поэтов и Литературный институт. Но в связи с материальными трудностями его семьи (надо было содержать жену и маленького сына) Литературный институт он не закончил. Позднее окончил технический вуз, работал инженером и писал практически в стол.

Прошёл всю войну в войсках МПВО. В 1960-х был редактором-консультантом АПН. С детства он знал английский, французский, итальянский языки, с которых переводил поэтов и писателей. Был первым переводчиком романа Джорджа Оруэлла «1984», перевёл книгу-предостережение Д. Стейнбека «В сомнительной борьбе», книгу итальянца Курцио Малапарте «Капут» – свидетельство очевидца Второй мировой войны. Переводил Сент-Экзюпери, Пруста, Э. Гонкура, из поэтов – Ронсара, Готье, де Лилля, Рембо, Метерлинка, Ренье, Превера, Рильке и других.

Вершиной всего творчества Сергея Толстого считают религиозно-философскую поэму «Над обрывом» (венки сонетов), написанную в 1957 году на темы Апокалипсиса.

Увы, всё это напечатано через 15 лет после его смерти. Он умер 13 октября 1977 года (родился 25 сентября 1908 года).

С 1998 по 2008 года вышло уникальное Собрание сочинений Сергея Николаевича Толстого в пяти томах (пятый том – в двух книгах). Его составила и откомментировала Наталья Ивановна Толстая (урождённая Дмитриева), филолог, жена сына Сергея Николаевича Николая.

Конечно, в советское время Сергею Николаевичу смешно было бы претендовать на публикацию. Он и не претендовал, не обольщался, писал о своей современности, что

была построена, скорее, некая антицивилизация, чем просто национальное общественное единство, в своём роде цивилизация, не похожая ни на что другое в мире, несовершенная, как и другие; очень во многом не удовлетворяющая тех людей, кто в ней живёт, но также обладающая такими разнообразными аспектами, в которых эти люди находят гордость и удовлетворение, и даже чем-то таким, что они лелеют. Её основные черты во многих отношениях достигли такой прочности, какую могут придать человеческим институтам лишь время и длительное одобрение. В то же время нельзя сказать, что создание и поддерживание ими системы власти достигло полной стабильности, как в своих контактах с некоммунистическим миром, так и в отношениях с великим народом, над которым они [руководители, члены правительства] осуществляли власть. Связи с внешним миром по-прежнему ненадёжны и непрочны из-за невротического отношения этого правительства к себе как к какому-то первейшему правительству среди правительств, из-за его склонности к секретности и мистификации как своему методу, к преувеличению и фальсификации в политических высказываниях, из-за его мании преследования, из-за патологической одержимости – болезни «шпионажа», из-за его

чрезмерной робости и подозрительности (гораздо более уместных для Великого Княжества Московского, нежели для современной великой державы) в том, что касается личных контактов между советскими гражданами и иностранцами, из-за той необычной роли, которую это правительство признаёт за тайным политическим аппаратом в проведении своей внешней политики.

Это из той же автобиографической повести «Осуждённый жить», из предисловия к ней. Сергей Толстой не просто констатирует сущее, он прогнозирует, опирая на него:

Со своим собственным народом оно так же не установит стабильных отношений, как и его предшественники, до тех пор, пока не сможет признать, что диктатуру отнюдь нельзя назвать приемлемым методом управления великим народом в современную эпоху, что ни один человек, ни одна партия, ни одно правительство не обладают монополией ни на истину, ни на добродетель, что эстетической и интеллектуальной жизнью такого талантливого народа, как русский, не может с успехом управлять некое политическое духовенство или некая литературная жандармерия...

Читайте его книги, пока склонное к запретам нынешнее «политическое духовенство» не доберётся до замечательно-го писателя «четвёртого Толстого», не посрамившего, в отличие от «третьего», своих великих родственников, своих

Пётр Иванович Бартенев (родился 13 октября 1829 года) вместе с П. В. Анненковым считается основателем пушкинистики.

Он работал в архивах, издал в 1856 году собрание писем царя Алексея Михайловича, был близок к славянофилам, дружил с семейством Аксаковых. Консультировал Л. Н. Толстого во время работы писателя над «Войной и миром».

Занялся Пушкиным. Писал о нём статьи. Выпустил чрезвычайно ценную книгу «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851 – 1860 годах». Редкий пушкинист обходится без неё. Выпустил ещё одну книгу – «Пушкин в южной России».

Невероятно ценным оказался и журнал «Русский архив», который Бартенев издавал с 1863 года. Как дополнение к нему появились сборник документов «Осьмнадцатый век» (1868—1869) и «Деятнадцатый век» (1872). Издан был и 40-томный архив князя М. С. Воронцова.

Увы, в старости Петр Иванович сблизился с черносотенцами. Вступил в организованный ими в 1905 году «Союз русских людей». Умер 4 ноября 1912 года.

14 октября

Давно, наверное, лет сорок назад (точнее вспомнить не могу) я в журнале «Детская литература» опубликовал статью, где среди прочих детских книжек критиковал какую-то Владислава Крапивина. Статья была не о нём. Больше я о нём никогда не писал, и поэтому, когда мне с Урала прислали его книжку, где отрицательный герой носит фамилию Красухин, я понял, что и той одной моей статьи оказалось достаточно, чтобы Крапивин считал меня своим врагом.

Окончательно я в этом уверился, читая лет пятнадцать назад его интервью с журналистом, где он сказал, что его путь в литературе был не накатанной дорожкой, что критики Красухин и Арбитман о нём такое понаписали!

Роман Арбитман сам был писателем. Что он писал о Крапивине, я не знаю. Но боюсь, что претензии к Арбитману Крапивина такие же, как ко мне: чем-то не понравилась Арбитману какая-то повесть Крапивина.

Вячеслав Петрович Крапивин (родился 14 октября 1938 года) за свою уже немалую жизнь написал столько повестей, романов, рассказов и очерков, что одно их перечисление займёт большое место.

Даже его награды и премии составляют немалый список. Судите сами.

Награды: отличник народного просвещения РСФСР

(1980), знак ЦК ВЛКСМ имени Гайдара (1983), орден Трудового Красного Знамени (1984), орден Дружбы народов (1989), почётное звание «Почётный гражданин города Екатеринбурга» (1993), орден Почёта (2009), почётный знак «За заслуги перед Севастополем» (2010), почётное звание «Почётный гражданин Свердловской области» (2013), почётное звание «Почётный гражданин города Тюмени» (2014), медали (какие – не указаны).

Премии: Ленинского комсомола (1974), «Аэлита» (1983), губернатора Свердловской области (1999), имени Александра Грина (2001), «Малая Урания» (2001), имени разведчика Николая Кузнецова (2003), имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2003), орден рыцарей фантастики (2003), «Большой Роскон» (2006), премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества 2013 года.

Как писали в своё время у нас на 16 полосе «Литературной газеты»: «Производит глубокое...»

Об экранизациях его произведений я уж не говорю: много!

В Тюмени в литературно-краеведческом центре открыт музей Владислава Крапивина с постоянной экспозицией «Славка с улицы Герцена». Экспозиция и предметный ряд состоят из вещей из жизни и творчества писателя.

В Екатеринбурге выпускали его собрания сочинений. Сперва в 9 томах, потом в 30-и. Но издательство «Эксмо»

екатеринбуржцев перещегооляло. Оно выпустило своеобразное собрание сочинений Крапивина в 98 книгах.

Какой ещё писатель, кроме Георгия Мокеевича Маркова, напoлучал столько всего, я не помню.

Юлий Борисович Марголин родился 14 октября 1900 года в Пинске, учился в Берлинском университете, поехал в Палестину, а из неё в 1940-м – в Лодзь, к живущим там родителям. С ними вместе на родину в Пинск, который оказывается под советской оккупацией. 19 июня 1940 года Марголина арестовывает НКВД и без суда отправляет в ГУЛАГ. В 1946-м как польского гражданина его репатрируют в Варшаву.

Польша уже народная республика. Но евреев у себя не держит: хотят уезжать – пусть уезжают. И Марголин в начале октября 1946 года прибывает в Палестину.

Здесь он написал свою автобиографическую книгу «Путешествие в страну зе-ка».

Цитата из её Послесловия

Можно сказать об этой книге, что она написана против. Против угнетения, против страшного зла, против великой несправедливости. Но это определение недостаточно. Она прежде всего написана в защиту. В защиту миллионов заживо-похороненных, страдающих и подавленных людей. В защиту тех, кто

сегодня ещё жив, а завтра уже может быть мёртв. В защиту тех, кто сегодня ещё свободен, а завтра может разделить участь похороненных заживо.

На основании пятилетнего опыта я утверждаю, что советское правительство, пользуясь специфическими территориальными и политическими условиями, создало в своей стране подземный ад, царство рабов за колючей проволокой, недоступное контролю общественного мнения мира.

Советское правительство использовало своё неограниченное господство над шестой частью мира для того, чтобы воссоздать в новой форме рабовладение – и держать в состоянии рабства миллионы своих подданных и массы иностранцев не за какое-либо их действительное преступление, но в качестве «превентивной меры», по усмотрению и произволу тайной полиции.

Это обвинение может показаться невероятным каждому, кто вырос в условиях западной демократии, и лично не видел и не пережил доли раба.

Мне же кажется невероятным другое: что миллионы людей на Западе совмещают демократические убеждения и протест против социальной несправедливости в любой форме – с поддержкой вопиющего и омерзительного безобразия, которого в наши дни не видеть нельзя уже.

Я обращаю внимание людей способных не только видеть, но и предвидеть и мыслить, на тот грозный факт, что рабовладение, несовместимое с сущностью

капиталистического строя и нравственным сознанием зрелого человечества – становится технически возможным и экономически осмысленным явлением в рамках тоталитарной идеологии XX века.

Когда на Западе был напечатан «Архипелаг ГУЛАГ» многие вспомнили книгу Юлия Марголина и то, что он выступал в ООН с личными свидетельствами о советских концентрационных лагерях, о сталинской системе ГУЛАГ.

Удивлялись: почему тогда так не среагировало западное общественное мнение, как на книгу Солженицына?

Мне кажется, что так легла карта судьбы.

Марголин написал книгу в 1947-м. А напечатал в американском издательстве имени Чехова в 1952 году. Недавно окончилась война. Сталин и его руководство всё сделали, чтобы на Нюрнбергском процессе выглядеть в крахмальном белье. Никаких преступлений против человечества с советской стороны. Ни слова о лагерях или о чудовищных массовых изнасилованиях, убийствах и мародёрствах от вошедшей в Европу Красной армии.

Больше того! Подумайте, сколько эмигрантов повелось на сталинское токование о простившей их родине!

Марголину просто не поверили. А раскусившие Сталина союзники (я имею в виду правительства) ёжились от сообщений, что Сталин испытал атомную бомбу. Поскольку сталинский аппетит был чудовищным, волей-неволей приходилось вести холодную войну, защищающую ту большую часть

Европы, которая не досталась Сталину.

А в 1952-м, когда книга вышла, была корейская война, была война Сталина внутри страны с космополитами (евреями). Раздражать диктатора всё ещё было опасно.

Ну, а во время хрущёвской оттепели книга Марголина явилась одним из тех документов, которые свидетельствовали о прошлом – о том прошлом, которое не должно было повториться.

Когда же многое всё-таки повторилось, Запад уже был не тот. Брежнев в какой-то мере (поставки зерна, например) от него зависел. Голос Солженицына не заглушали, как когда-то Марголина. Да и брежневскому КГБ отдуваться за сталинских чекистов не приходилось. Марголин писал о настоящем. Солженицын – вроде как бы о прошлом. Его услышали и дали волю возмущению услышавших.

Умер Юлий Марголин 21 января 1971-го.

Гелий Иванович Снегирёв (родился 14 октября 1927) многим запомнился по рассказу, напечатанному в «Новом мире» Твардовского «Роди мне три сына» (1967). Но после уже в советской прессе не печатался.

Меня с ним познакомил в Киеве наш, «Литературкин», корреспондент по Украине Гриша Кипнис. Я знал, что его сняли с поста главного редактора Украинской студии хро-

никально-документальных фильмов, перевели в простые редакторы. Знал, за что – он участвовал в съёмках траурного митинга в день 25-летия убийства евреев в Бабьем Яру, на котором выступили Виктор Некрасов, Владимир Войнович. Митинг не был разрешён властями, а уж съёмки его – тем более.

Он тогда в соавторстве с Вадимом Скуратовским написал пьесу о Германе Лопатине «Удалой добрый молодец».

Но знакомство наше не продолжилось. Снегирёв в Москву не приезжал, в «Литературную газету» не заходил. Его исключили из партии в 1974-м. На этой почве он заболел – развился тромбоз сетчатки глаз. Он стал слепнуть. Был переведён на инвалидность.

Однако с правозащитным движением его связи только укрепились. Он публиковался в диссидентской прессе и на Западе. Писал автобиографическую книгу «Роман-донос».

В сентябре 1977 года его арестовали. Он держался стойко. В октябре объявил голодовку. Его перевели на принудительное питание. В результате его парализовало.

И вот тут у нас в «Литературной газете» появилось его письмо «Стыжусь и осуждаю...» Прочитав его, я не поверил, что Гелий Снегирёв его писал. Я хорошо его помнил и не верил, что он может настолько унижить себя. Ведь он не был алкоголиком, как Якир, которого легко было сломить, играя на его страсти к спиртному.

Да и никто из моих друзей не поверил в подлинность письма. Парализованного Снегирёва помиловали. перевели из тюремной больницы в обычную городскую, где он и скончался 28 декабря 1978 года. Когда он, разбитый параличом, мог написать это письмо, а главное – для чего ему было его писать, так и осталось без ответа.

«Эмка» – так звали Коржавина все его друзья. Так звал его и я, подружившийся с ним ещё в шестидесятые. Только потом я понял, что это его домашнее имя – от Эммануил. Эммануил Мандель взял себе псевдоним «Наум Коржавин», но на своё домашнее имя откликался охотно.

По мне Коржавин – один из лучших русских поэтов, которого хвалили не так часто, как он этого заслуживает.

Он родился 14 октября 1925 года. В 1945 году поступил в Литературный институт, в чьём общежитии был арестован в конце 1947 года. В Википедии написано, что арестован он был на волне кампании с космополитизмом. Но это не так.

Эмка всегда был безрассудно смел. Казалось, что он и сам не понимает грозящей ему опасности, в упор не видит её. Явно не понял, как опасно было после войны, когда агитпроп настаивал на прославлении полководца-главковерха, читать публично стихи, вроде этого:

Календари не отмечали

*Шестнадцатое октября,
Но москвичам в тот день – едва ли
Им было до календаря.
Всё переоценивалось строго,
Закон звериный был как нож.
Искали хлеба на дорогу,
А книги ставили ни в грош.
Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну.
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.
Стараясь выбраться из тины,
Шли в полированной красе
Осатаневшие машины
По всем западным шоссе.
Казалось, что лавина злая
Сметёт Москву и мир затем.
И за граница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.
Там, но открытый всем, однако,
Встал воплотивший трезвый век
Суровый жёсткий человек,
Не понимавший Пастернака.*

Мало того, что стихотворение называлось «16 октября», то есть датой, которую хотели вытравить из сознания советских людей. Кто из живших тогда москвичей не помнит той паники, которая охватила многих, бежавших из Москвы 16 октября 1941 года, не поверив пропаганде, что Москва

сдана не будет. Мало этого! Стихотворение заканчивается характеристикой Сталина, несколько не совпадавшей с тем, каким рисовали вождя советские художники.

Потом уже найдутся писатели и подробно опишут смывающихся из Москвы номенклатурщиков, теряющих свой багаж в жуткой толчее штурмующих железнодорожные вагоны. Вспомнят и удирающие грузовики, на которые впрыгивали на ходу, освобождая для себя место – выкидывая из кузова мешки и баулы. И белых от страха, беспорядочно снующих туда-сюда людей, которым не достался никакой транспорт.

Но Коржавин был первым. Его стихотворение написано в 1945 году.

Думаю, что в определении наказания ему всё решила характеристика Сталина, которую тот, возможно, прочёл. Вполне вероятно, что ему показали стихи, как показали некогда стихотворение Мандельштама. И Сталин ничего в коржавинской характеристике не понял, кроме того, что он не понимает Пастернака.

Отсюда и сравнительная мягкость наказания. Подержав Эмку в институте Сербского, его приговорили к ссылке в Сибирь, где он провёл три года и откуда был выслан в Караганду. Там он работал в шахте и окончил горный техникум.

В 1954-м его амнистировали. Он вернулся в Москву, получил в 1956-м полную реабилитацию. И в 1959 году окончил Литературный институт.

Он мне говорил, что в том стихотворении не осуждал Сталина. Не мог, потому что был сталинистом по своим взглядам. А врать Коржавин не умел физически.

Да и по его поэзии это видно. Он избавлялся от политической наивности и описывал процесс своего освобождения от неё. Поэтому и после Сталина печатать его не стремились.

Когда Евгений Винокуров решил на волне хрущёвской оттепели издать книжку Коржавина, то оказалось, что все свои стихи Эмка помнит наизусть, а записанных у него мало. Выручило, что был у Коржавина приятель, который собирал его стихи. К нему и привёл Винокурова Наум Коржавин.

И Винокуров сумел издать его книжку «Годы» (1962), взяв на себя ответственность за её содержание, разрешив издательству «Советский писатель» указать в выходных данных, что он, Винокуров, – редактор книжки.

Но на этом благоприятный для поэзии Коржавина период кончился. Больше его книг у нас в стране не выходило. Его изредка печатали в периодике и весьма много в самиздате, публикация в котором не добавляла власть имущим желания издавать книги Наума Коржавина, наоборот: укрепляла их в уверенности, что этого делать не нужно.

В 1967 году его пьесу «Однажды в двадцатом» поставил Театр имени К. С. Станиславского. И было забавно смотреть, как на «бис» выходили к зрителям внешне похожие друг на друга Евгений Леонов, игравший в спектакле, и автор Наум Коржавин.

Он не врал и тогда, когда объяснял свою эмиграцию отсутствием воздуха для жизни. Да, ему перекрыли кислород, вызвали в прокуратуру и заверили, что дышать в стране ему будет нечем.

За границей он сражался, как лев, против революционной идеи и любых форм социализма. Отстаивал гармоническое искусство как единственно возможное. И в этом я с ним полностью согласен.

Некогда в 1961 году он напечатал в «Новом мире» статью «В защиту банальных истин», которая меня во многом сформировала.

В перестройку Коржавин впервые приехал в Москву для выступлений по приглашению Булата Окуджавы. Потом приезжал не раз. Он практически ослеп, и его сопровождала Люба, которую как жену Коржавина, чудесно характеризует её девичья фамилия – Верная.

Увы, недавно Люба скончалась.

Приехав в тот первый раз в Москву, Коржавин навестил своего старого друга спортивного журналиста Аркадия Галинского, который в 1971 году издал книгу «Не сотвори себе кумира» – о договорных матчах и за неё – до 1989 года был изгнан из советской печати. Коржавин сказал ему о Гайдаре и его команде: «Я им не верю». А позже и написал об этом.

Тогда, читая его, ему удивлялись. Сейчас стало очевидно, что он во многом оказался прав.

Известно, что Коржавин с Бродским не любили стихи друг

друга. Это и понятно. Слишком разные у них пристрастия, вкусы, предшественники. Поэтому не согласимся не только с Коржавиным в том, что Бродский плохой поэт, но с Бродским в том, что Коржавин плохой поэт.

На мой вкус, очень хороший.

15 октября

Алексей Васильевич Кольцов (15 октября 1809 – 10 ноября 1842) оказался в литературе благодаря Н. В. Станкевичу, который встретился с ним в Воронеже в 1830 году, оценил его стихотворные опыты и познакомил с ними московских литераторов. Особенно заинтересовался Кольцовым Белинский, ставший другом Кольцова, его наставником не только в литературе, но и в жизни.

В 1935 году Станкевич и Белинский издали по подписке первую книгу «Стихотворения Алексея Кольцова». Она пришлась по вкусу Пушкину и поэтам его круга. Впрочем, они уже знали Кольцова по публикациям. В частности, в «Литературной газете», где его стихи со своим коротким предисловием опубликовал в 1831 году Станкевич.

Кольцову очень не повезло с отцом – зажиточным купцом, скототорговцем. Отец считал поэтические занятия сына блажью и заставлял его помогать ему по хозяйству. Властный деспот, отец, узнав о том, что сын влюбился в крепостную Дуняшу, продал её станичному помещику, где она безвозвратно затерялась.

Даже чахотка – болезнь Кольцова развивалась и развивалась, потому что отец не давал ему деньги на лечение.

Его стихи оказались очень приманчивыми для многих композиторов. Даргомыжский написал музыку к стихам

«Без ума, без разума», «Не судите, люди добрые», «Не скажу никому», «Приди ко мне». Балакирев – «Обойми, поцелуй», «Исступление», «Песнь старика», «Приди ко мне», «Я любила его». Мусоргский – «Дуют ветры, ветры буйные», «Много есть у меня теремов и садов», «По-над Доном сад цветёт», «Весёлый час».

Кольцова можно много и удачно цитировать. Приведу моё любимое – «Разлука»:

*На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.
Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зелёная,
Степь-трава – парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волишебница!
Хороши вы – когда нет её,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас – хоть бы не было;
С ней зима – весна, ночь – ясный день!
Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, Бог велел – расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»
Вмиг огнём лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная
На груди моей повиснула.*

*«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух – слово замерло...*

Эля Котляр, чудесный человек и очень неплохая поэтесса. Она была членом бюро литературного объединения «Магистраль» и принимала меня в «Магистраль». Потом, когда я помогал формировать литературный портфель «Семьи и школы» (1965), мне удалось напечатать полосу её стихотворений. Это было трудно. Её не печатали из-за необычности стиха.

*Умер Булат.
Надену на голову
чёрный плат
Пойду в храм,
за упокой души его
Богу поклон отдам,
чтобы взял душу Булата
из больничной палаты
в Свои Палаты.
Прегрешений, Господи,
ему не вмени.
Да будут прощены они.
Близких его*

*поддержи и утешь.
На сердце рубец
ещё так свеж!*

Разумеется, это позднее стихотворение Эльмиры Пейсаховны Котляр, ставшей духовной дочерью отца Александра Меня. Но я хотел показать необычность её стиховой манеры. Она сохранилась с ранних стихов Эли. В чём-то она мне напоминала манеру Елены Гуро.

В «Магистралах» Элю любили за доброту. По-моему, она ни о ком не сказала плохого слова. Мы с ней ещё больше сблизились в Доме творчества писателей в Голицыне. Она хорошо знала поэзию. Часто читала наизусть.

А потом стала писать стихи для детей. И оказалось, что её короткий стих-тактовик очень хорошо подходит для разговора с малышами. Книжки у неё стали выходить одна за другой.

Я её не раз видел в Храме Космы и Доминана в Шубине (недалеко от метро «Чеховская»). Её и отпевали в этом Храме. Скончалась она 18 октября 2006 года на 81 году жизни: родилась 15 марта 1925-го.

16 октября

Андрей Тимофеевич Болотов – одна из интереснейших фигур XVIII века. Почти всю жизнь он прожил в родовом своём сельце Дворянинове Алексинского уезда Тульской области. Здесь занимался земледелием, огородничеством и садоводством.

Уезжал отсюда для службы в армии. Он начал Семилетнюю войну в чине подпоручика, а закончил её капитаном. Отличался тем, что в периоды между боями изучал самостоятельно науки и упражнялся в рисовании.

В своей деревне полностью отдался сельскому хозяйству и наукам. Изучил теорию всех отраслей сельского хозяйства. Занимался философией, этикой, педагогикой. Написал собственные книги по этике, философии и педагогике.

Он завязал отношения с Вольным экономическим обществом. Писал в их «Труды» ответы на задаваемые сельскими жителями вопросы. Их, в конечном счёте, набралось на целую энциклопедию по сельскому хозяйству.

Особенно увлекался садоводством. Скупал все выходящие книги по нему. И не только по садоводству. В результате составил уникальную сельскохозяйственную библиотеку.

Когда Екатерина II купила Киясовскую волость в Серпуховском уезде, Болотову было предложено сперва описать её, а потом взять на себя её управление. Больше 23 лет он

управлял волостями Екатерины – сначала Киясовской, а потом ещё Богородицкой (Тульская губерния) и Бобриковской. За это Екатерина пожаловала его в коллежские ассесоры.

Он стал издавать собственный журнал «Сельский житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание» (1776—1779). 10 лет – с 1770 по 1780 сотрудничал с газетой Н. И. Новикова «Московские ведомости», печатая под рубрикой «Экономический магазин» по одному печатному листу в каждом номере. Всего у Новикова он опубликовал 4000 статей.

Опубликованная в 1771 году в «Экономическом магазине» статья «Ботанические примечания о классах трав» считается первым российским трудом по систематике растений.

После смерти Екатерины вернулся в родное поместье.

За услуги, оказанные Вольному экономическому обществу, награждён золотой медалью и получил в подарок перстень от Павла I. Был почётным членом Королевско-саксонского Лейпцигского экономического общества, почётным членом Императорского московского общества сельского хозяйства.

Скончался 16 октября 1833 года, не дожив двух дней до своего 95-летия: родился 18 октября 1738 года.

Болотова принято на основании его научных работ считать лучшим агрономом XVIII века. Это так и есть. Даже картошку он первым предложил сажать в огороде, а не в саду, как это делали до него.

Но нас с вами он интересует как чудесный бытописатель своего времени. Он оставил «Записки», которые его и прославили. Под заглавием «Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков» автор излагает жизнь своих предков, свою жизнь и окружающего его мира. Написанные в виде писем Болотова к читателю, они занимают четыре больших тома (СПб. 1871—1873). Правдивые, они стали как бы хрестоматией XVIII века, поскольку отражают все стороны жизни тогдашнего русского общества. В своих записках Болотов использует массу пословиц, поговорок, специфических народных выражений. Этот замечательный литературный и исторический памятник эпохи переиздан Приокским книжным издательством в 1988 году.

17 октября

Илья Фоняков был собственным корреспондентом нашей «Литературной газеты» сперва по Сибири, а позже по Ленинграду. Я был на обоих его корпунктах. Везде он очень помогал мне в командировках.

В Ленинграде он был ещё и моим гидом. Благодаря ему, мы досконально ознакомились с Царским Селом, до сих пор переименованным в Пушкин, с Павловском с его чудесным музеем быта прошлых столетий.

Илья Олегович был на пять лет старше меня. Он родился 17 октября 1935 года в Иркутской области, где работал геологом его отец, репрессированный и погибший в 1938-м.

Окончил Ленинградский университет. Печататься начал ещё студентом – в 1950-м. Первую книгу стихов «Именем любви» издал в Ленинграде в 1957 году.

До «Литературки» с 1957 по 1962 год Фоняков был сотрудником газеты «Советская Сибирь». Поэтому поднаторел в газетной журналистике, освоил все её жанры – от очерка, репортажа – до статьи об искусстве, до литературного портрета.

Он был честен с читателем. Писал о том, что видел. Поэтому (сужу по периоду моей работы в «Литгазете») к его статьям начальство относилось кисло. Предпочитало им прямые репортажи Ильи о том или ином событии.

Позже он писал в своей биографии: «Сознаю, что по возрасту я для многих уже – динозавр. Оказывается, это совсем не так уж плохо. Хотя бы потому, что совершенно не волнуют проблемы самоутверждения. Уж какой есть, такой есть». Мне думается, что такие проблемы перестали волновать его рано. Чуть ли не с первых его поэтических книжек. Он их выпустил много. А вместе с книгами критических эссе, вместе с книгами переводов разных поэтов их у Фонякова более тридцати. И на всех лежит отпечаток его личности: всё, что он делал, очень серьёзно.

Лично мне очень нравятся его поэтические портреты коллег-современников, которые он создал в ноябре 2011 года – за месяц до собственной смерти 23 декабря. Оцените, каков у Фонякова Ярослав Смеляков:

*Вот он весь – поношенная кепка,
Пиджачок да рюмка коньяка,
Да ещё сработанная крепко
Ямба старомодного строка, —
Тот, за кем классическая муза
Шла, сопровождая, в самый ад,
Трижды зек Советского Союза
И на склоне лет – лауреат,
Что он знал, какую тайну ведал,
Почему, прошедший столько бед,
Позднему проклятию не предал
То, во что поверил с юных лет?
Схожий с виду с пожилым рабочим,*

*Рыцарь грубоватой прямоты,
Но и нам, мальчишкам, между прочим,
Никогда не говоривший «ты», —
Он за несколько недель до смерти,
Вместо всяких слов про стыд и честь,
Мне сказал: «Я прожил жизнь. Поверьте,
Бога нет. Но нечто всё же есть...»*

Светлая память! Пусть Илье Олеговичу земля будет пухом!

Увы, точная дата рождения Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал неизвестна. Знают только, что родилась она в 1866 году. Знают, что в ней текла кровь Ганнибала, прадеда Пушкина. Что она вышла замуж за своего домашнего учителя Константина Семёновича Шварсалона, что под его влиянием сблизилась с народниками, заинтересовалась социализмом. Родила трёх детей.

Но потом вместе со всеми детьми бежала от мужа за границу, и в Риме в 1893 году встретила Вячеслава Иванова.

Женатому Иванову удалось получить развод, а Лидии Дмитриевне муж развода не давал долго. Несмотря на то, что у неё от Иванова родилась дочь. Но в конце концов, всё утряслось.

В круглом выступе петербургского дома 25 на Таври-

ческой Иванов с женой организовали знаменитый салон «На башне», где побывали, кажется, все известные писатели того времени.

Лидия Дмитриевна дебютировала дважды. Под фамилией Шварсалон в 1899 году в «Северном вестнике с этюдом «Неизбежное зло». За подписью Зиновьева-Аннибал – драмой «Кольца» (1904). Продолжала писать стихи и пьесы, но прославилась как прозаик. Её сборник рассказов «Трагический зверинец» ценила Цветаева. Он оказал влияние на Хлебникова, написавшего «Зверинец» и на Елену Гуро, создавшую книгу «Небесные верблюжата».

Писала статьи и рецензии, посвящённые книгам или творчеству Андре Жида, Г. Джеймса, Ф. Сологуба, А. Ремизова, где мечтала о «дерзком реализме», который поможет «с бережной медлительностью, всё забывая, читать и перечитывать книгу, который подхватит читателя волною тончайшего, как кружевная пена, и меткого как имманентная правда жизни, искусства».

Написала повесть «Тридцать три урода», получившую далеко не однозначную оценку. Критика окрестила её «лесбийской», потому что в центре две героини – актриса Вера и её юная возлюбленная, которую она обращает в свою веру. Тираж повести поначалу был арестован. Но когда арест был снят, критик А. Амфитеатров назвал её рисунком из анатомического атласа.

Умерла неожиданно и скоропостижно от скарлатины

17 октября 1907 года.

Вскоре после её смерти Вяч. Иванов написал 42 сонета (столько лет прожила Лидия Дмитриевна) и 12 канцон (столько лет они прожили вместе).

«Того, что она могла дать русской литературе, мы вообразить не можем», – писал о ней Блок.

Но её стихи не подтверждают такой высокой оценки:

*Червлённый щит тонул – не утонул,
В струях калился золотого рая...
И канул... Там, у заревого края,
В купели неугасной свет вскипал.
В синь бледную и в празелень опал
Из глуби камня так горит, играя.
Ночь стала – без теней. Не умирая,
В восточный горн огонь закатный пал.
Не движет свет. Дома, без протяженья, —
И бдительны, и слепы. Ночь – как день.
Но не межует граней чётко тень
Река хранит чудес отобразенья.
Ей расточить огонь чудесный – лень...
Намёки здесь – и там лишь достиженья.*

Сонет называется «Белая ночь», и содержание соответствует своему названию. Но сказать, что он хорош, – трудно.

Правда, Блок сказал ту фразу по поводу сборника «Трагический зверинец» (1907), увидевший свет уже после смерти Зиновьевой-Аннибал. Этот сборник оказал большое влияние на футуристов.

18 октября

Прежде чем стать беллетристом, Юрий Николаевич Тынянов, родившийся 18 октября 1894 года (умер 20 декабря 1943-го), занимался литературоведческой наукой, где достиг немалых успехов. Он, профессор института истории искусств (1921—1930), напечатал в 1921 году статью «Гоголь и Достоевский (К теории пародии)», сразу же обратившую на себя внимание учёных. Будучи членом ОПОЯЗа, он выпустил книги «Проблемы поэтического языка» (1924), «Архаисты и новаторы» (1929), ставшими явлением в литературоведении.

Как прозаик, дебютировал романом «Кюхля» (1925). Не оставляя научных занятий, написал роман о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара» (1927—1928, отдельное издание 1930), повести «Подпоручик Кижэ» (1928), «Восковая персона» (1931), «Малолетний Витушишников» (1933), исторические миниатюры «Исторические рассказы» (1930). Начал, но не закончил роман «Пушкин» (первая часть – 1935, вторая – 1936—1937). Третья незавершённая часть романа опубликована в 1943 году посмертно.

Но две части романа «Пушкин» вкупе с романами «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» и с другими произведениями Тынянова позволяют говорить, что писатель встал у истоков традиции исторической прозы, которая была подхва-

чена и развита в произведениях его современников и потомков (например, Булата Окуджавы).

Прозу Тынянова обычно называют документальной в том смысле, что её можно подтвердить документами. Да, Тынянов не шёл против истории, но очень характерно его заявление: «Там, где кончается документ, я начинаю». А это значит, что, не утрачивая своего значения, документ у Тынянова обрастает массой живописных и психологических подробностей, которые преобразуют документ в художественное произведение.

Тынянов оставил нам не только выдающиеся литературоведческие работы, не только замечательную прозу. Он был ещё и поэтом. Перевёл поэму «Германия. Зимняя сказка» Гейне (1933) и его стихотворения, составившие книги «Са-тиры» (1927) и «Стихотворения» (1934).

Вот небольшое стихотворение Гейне, переведённое Тыняновым:

*Девушка, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд —
Такое внушал ей горе
Солнечный закат.
Девушка, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать;
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.*

19 октября

Вы не задумывались над тем, что эпитафия, стоящий у начала романа «Капитанская дочка» – «*Береги честь смолоду*», корреспондирует с его концовкой, которая представляет собой календарную дату: «19 окт. 1836»?

Очень многие исследователи решили, что Пушкин попросту обнаружил дату окончания «Капитанской дочки». Но публично выставлять даты под своими произведениями было не в пушкинских правилах. Кроме «Капитанской дочки» он сделал это лишь однажды в стихотворном диалоге «Герой», в котором собеседники по-разному относятся к посещению Наполеона чумного госпиталя в египетской Яффе, где французский император пожал руку больному. Один восхищается подобным поступком, другой, ссылаясь на недавно опубликованное свидетельство историка (как выяснилось позже – недостоверное), настроен скептически – отрицает, что Наполеон пожимал руку чумному. Напечатанный впервые в «Телескопе» (1831, №1) этот диалог имел такую концовку:

29 сентября 1830

Москва

Её Пушкин сохранил и в дальнейшем, что и понятно: дата, выставленная под стихотворением, оказывалась очень значимой для пушкинских современников. 29 сентяб-

ря 1830 года в холерную Москву приехал Николай I.

А 19 октября, как всем известно, – праздничная дата для Пушкина и его лицейских друзей. В 1836 году в этот день отмечалось 25-летие Лицея. Пушкин не сумел закончить стихи, приуроченные к этой годовщине, которые тем не менее пытался прочесть своим товарищам-лицеистам, собравшимся в доме одного из них. Биограф Пушкина П. В. Анненков записал со слов лицейского друга Пушкина, как читал им стихи поэт, который

извинился перед товарищами, что прочтёт им пьесу, не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал при всеобщей тишине свою удивительную строфу:

*Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался, —*

как слёзы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошёл в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочёл за него последнюю «лицейскую годовщину».

«Слёзы покатались из глаз» Пушкина при воспоминании о молодом празднике, когда все двадцать девять одноклассников могли собраться за праздничным столом. Не забудем, что уже в первом своём стихотворении «19 октября», написанном в 1825 году и обращённом к лицеистам, Пушкин вынужден был констатировать: «Увы, наш круг час от часу ре-

деет; / Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет...» И потеря в «нашем кругу» становилось всё больше. В 1836 году отпраздновать двадцатипятилетие своей альма-матер пришли всего одиннадцать человек...

Верный себе Пушкин оставил в черновой рукописи подлинную дату окончания «Капитанской дочки»: «23 июля», после чего, правда, продолжал вносить изменения в текст романа. Но он внёс изменения в его текст и после 19 октября 1836 года – учёл кое-какие замечания Вяземского, высказанные ему в ноябре. И всё же концовкой романа сделал именно эту, знаменательную для лицеистов дату. Указал тем самым, что «Капитанская дочка» является его посланием лицейским друзьям, его подарком или его посвящением им. Ведь как показывают другие лицейские послания, или переписка Пушкина с друзьями-лицеистами, или их воспоминания о нём, как свидетельствует вообще всё пушкинское творчество: сбережённая человеком честь – качество, особо ценимое Пушкиным в людях, за которое он уважал и любил своих лицейских товарищей.

Другой пушкинский текст, на первый взгляд, не относящийся к «Капитанской дочке», а на самом деле многое в ней объясняющий, Пушкин создал именно 19 октября 1836 года. В этот день он написал письмо П. Я. Чаадаеву, который передал ему через общего знакомого свой оттиск из журнала «Телескоп» (1836. №15) – статью «Философические письма к г-же ***. Письмо 1». Несомненно, что он собирался отпра-

вить письмо, но оставил своё намерение, после того как близкий пушкинский знакомый К. О. Россет предупредил поэта, *«чтоб вы ещё раз прочли писанное вами письмо к Чадаеву, а ещё лучше отложили посылать по почте»*, поскольку, как писал К. О. Россет, *«государь читал статью Чадаева и нашёл её нелепою и сумасбродною»*.

К сожалению, объявленный сумасшедшим и не без основания ожидавший ареста П. Я. Чаадаев уничтожил письма многих своих друзей, в том числе и Пушкина. Но кое-какие пушкинские письма Чаадаеву сохранились. Сохранились и письма Чаадаева Пушкину. Переписка свидетельствует: Пушкин и прежде читал не только первое «Философическое письмо», одно время у него находилось несколько таких писем, которые он, очевидно, брался пристроить в печать, несмотря на то, что был в основном не согласен со своим другом и не скрывал несогласия.

Он высказал удовлетворение фактом публикации письма Чаадаева в «Телескопе» и удивление, что оно смогло пройти через цензурные рогатки. (Через короткое время окажется, что Пушкин удивлялся не зря: репрессии себя ждать не преминули. Журнал был закрыт, издатель сослан, а цензор изгнан из своего ведомства.) Однако снова и с самого начала оговорил: *«Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всём согласен с вами»*.

Об их полемике написана огромная литература. По мнению многих, неотправленным этим письмом другу Пушкин

начинал великий спор, продолженный славянофилами и западниками, почвенниками и либералами, «сменовеховцами» и теми, кто призывал к социальным потрясениям. Говорить о продолжении этого спора сегодняшними «патриотами» и их противниками было бы ничем не оправданной подменой понятий: ни славянофилы, ни почвенники, ни «сменовеховцы» не были ксенофобами, они брали под сомнение идеи, а не право того или иного народа бытовать на земле!

Впрочем, не полемика поэта с философом интересует нас сейчас в первую очередь. Не то, что Чаадаев считал великим злом для России Схизму (разделение церквей), которая отделила Россию от остальной Европы, а Пушкин не видел в этом трагедии для собственной страны. И не то, что философ писал о дикости, варварстве, нецивилизованности русского народа, который не имеет даже своей истории, а поэт этот тезис категорически опровергал. Нас интересует то, что, оспаривая Чаадаева, критически относясь и к главному его утверждению: *«Мы живём одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мёртвого застоя»*, Пушкин в то же время и соглашался с ним:

...многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству –

поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко.

О том, что во все времена долг, справедливость, истина, человеческая мысль и достоинство, наконец, зависимость властей от общественного мнения – основание, на котором держится государство, обеспечивающее своим гражданам достойное и самодостаточное существование, Пушкин говорил «громко» не однажды. В последний раз в «Капитанской дочке». А до этого чуть ли не с раннего своего творчества – с оды «Вольность» (1817), утверждавшей примат Закона над правителем.

Да, Пушкин, как верно подметила Ирина Сурат, *«свои надежды»* в этой оде *«связывал с монархией, причём – именно с личностью монарха, с его личной нравственной высотой»*. Однако ошибочно думать, что «грустная вещь» – «наша общественная жизнь» подтолкнула поэта к перемене этих убеждений, что Пушкин в конечном счёте поменял историсофскую концепцию, солидаризуясь с теми своими героями, кто взывает не к правосудию, а к милости. *«В произведениях позднего Пушкина, – пишет И. Сурат, – закон если и соотносится с монархией, то как жестокая карающая сила с человечностью – именно такая оппозиция лежит в основе сказочно-утопических сюжетов поэмы «Анджело» (1833) и «Капитанской дочке» (1832 – 1836); в «Капитанской дочке» это противопоставление закона и доброй воли монарха оформлено в обращении Маши Мироновой к императрице:*

«Я приехала просить милости, а не правосудия»...».

По-моему, речь о такой оппозиции заведена зря. Неотъемлемое право властителя, как сказано в стихотворной повести Пушкина «Анджело», – «Законы толковать, смягчить их смысл ужасный...». Неотъемлемое и никем неоспоримое. Разумеется, чтобы «толковать», смягчая, нужна добрая воля – «милость» того, кто этим занялся. К ней обращается обычный обыватель – пушкинский герой в надежде на то, что подобная милость будет проявлена. Но властитель, по Пушкину, раннему и позднему, всегда обязан сознавать, что явленная им милость не расходится с правосудием, что нарушать закон он не вправе. В частности, это доказывают и «Анджело», и «Капитанская дочка».

Ведь уже в начале повести «Анджело» её герой – «предобрый» правитель Дук – уныло взирал, как по существу бездействовал в его государстве закон. Утверждать, что в конце повести Дук снова подменил закон своей милостью, – значит признать, что Пушкин в данном случае зря брался за перо: выходит, что его герой-правитель ничего не вынес из очень для него поучительных событий, составивших содержание повести.

А чем руководствовалась Екатерина, отменившая несправедный приговор Гриневу? Как верховный правитель, она уже воспользовалась своим юридическим правом смягчать участь преступника: из уважения к отцу Гринёва заменила казнь, определённую Следственной комиссией его сыну, веч-

ным поселением. Так что снова просить у неё для Петруши «милости, а не правосудия», даже если при этом она симпатизирует просителю, – дело безнадёжное.

«Вы просите за Гринёва? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй».

В этом прежде всего смысл повторения эпизода встречи героя и того, кто в будущем объявит о себе как о властителе, в главе, которая называется «Суд». Потому и неправоуказан суд ложного властителя, такого, допустим, как Пугачёв, что тот убеждён: законы писаны не для него: *«Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай».* Истинный же правитель, по мысли Пушкина (и эта мысль лежит в основе историософской концепции его романа), утверждает в стране не произвол, а правосудие. В конце концов, Екатерина осуществляет его и по отношению к Гринёву, о чём и говорит Марье Ивановне: *«Я рада, что могла сдержать вам моё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невиновности вашего жениха».* Но сделает это не прежде, чем внимательно выслушает Марию Ивановну, которая как пишет Гринёв, рассказала ей *«всё, что уже известно моему читателю».* А всё, что известно читателю, составляет цельный текст семейственных записок Гринёва, в которых мирская молва хоть и подобна, конечно, морской волне, но волна эта не выходит из бере-

гов нравственности, твёрдо исповедуемой Гринёвым. Иначе говоря, Екатерина действует, основываясь на фактах, утаённых Гринёвым от Следственной комиссии, но открытых императрице Марьей Ивановной.

Заметим ещё, что действия императрицы, как и поступки любого героя романа, подсудны его эпиграфу: «Береги честь смолоду».

На мой взгляд, следует обратить внимание на то место в первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева, в которое просто не мог не взглядеться и не оценить Пушкин, закончивший «Капитанскую дочку». Речь идёт о положении дел в Европе, с одной стороны, и в России – с другой:

Сравните сами и скажите, много ли мы находим у себя в повседневном обиходе элементарных идей, которыми могли бы с грехом пополам руководствоваться в жизни? И заметьте, здесь идёт речь не о приобретении знаний и не о чтении, не о чём-либо касающемся литературы или науки, а просто о взаимном общении умов, о тех идеях, которые овладевают ребёнком в колыбели, окружают его среди детских игр и передаются ему с лаской матери, которые в виде различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и создают его нравственное существо ещё раньше, чем он вступает в свет и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это – идеи долга, справедливости, права, порядка.

В «Капитанской дочке» Пушкин писал не о своей со-

временности, в оценке которой, как мы уже замечали, он не слишком далеко уходил от Чаадаева. Но и прошлое отечества под пером Пушкина оказывалось в его романе нравственно близким к тому, какой описывал Европу Чаадаев. Кто из них приукрашивал или очернял историю?

Никто. Оба писали об идеальном положении дел в тех странах, каким симпатизировали. К тому же не следует забывать о жанре «Капитанской дочки», который роман-миф, роман-сказка. В сказке, в мифе идеальное торжествует над всем остальным по определению. А в романе торжествует историческая концепция Пушкина, которую лучше не ограничивать форматом триады «свобода, просвещение, монархия», как сделала И. Сурат, а добавить к этой характеристике, точнее начать её со слова «закон». В конечном счёте, о том, какое место занимает закон в жизни её героев, как они относятся к закону, и написана «Капитанская дочка». К ним ко всем взывает её эпиграф «*Береги честь смолоду*»!

Георгий Владимов, можно сказать, выпестован «Новым миром» Твардовского. В этом журнале он работал редактором отдела прозы (1956—1959). А ещё раньше выступал на его страницах как литературный критик.

Первая же его напечатанная там повесть «Большая руда» (1961) получила всесоюзную известность. Чтобы напи-

сать её, автор попросил командировку на Курскую магнитную аномалию, получил её и проникся психологией шофёров, вывозящих руду из карьера. Эта психологическая достоверность и придала повести достоверный и добротный характер. В 1954 году повесть была экранизирована и имела неменьший успех благодаря исполнителю главной роли актёру Евгению Урбанскому.

Следующую командировку (кажется, от «Литературной газеты») Владимов взял на торговый флот. Вернувшись, написал роман «Три минуты молчания», который в урезанном цензурой виде был опубликован в 1969 году.

В 1963—1965 годах он написал повесть о сторожевой собаке чекистов «Верный Руслан», которую пытался опубликовать у себя в стране. Но попытка была негодной. Лагерная тема после смещения Хрущёва сделалась запретной. Владимову ничего не оставалось, как передать повесть на Запад.

Помню отчаянные попытки властей не допустить этой публикации. Владимову предложили полосу в «Литературной газете» для разговора с сервильным критиком Феликсом Кузнецовым. Этот диалог открывал дорогу переизданиям повестей Владимова. Ему был обещан договор с Госполитиздатом на книгу о каком-либо герое из серии «Пламенные революционеры». Владимов согласился. Диалог состоялся. Но напечатан был вопреки желанию Владимова, чья жена Наташа, которой писатель полностью доверял, внимательно вычитала гранки и сочла недопустимым те или иные

фразы, вложенные в уста мужа.

Напечатанный в газете диалог таким образом только подогрел намерение Владимова отдать на Запад своего «Верного Руслана», которого напечатали в ФРГ в 1975 году.

В 1977 году Владимов выходит из Союза писателей и становится руководителем московской секции «Международная амнистия», которая запрещена в СССР. В 1982 году на Западе появляется новая публикация Георгия Николаевича – рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро».

Власти выталкивают Владимова из страны. Он уезжает в 1983-м и уже в 1984—1986 является главным редактором эмигрантского журнала «Грани».

Правда, этот журнал Народно-Трудового Союза он покидает, заявив, что сам НТС его не устраивает.

В эмиграции он пишет свой знаменитый роман «Генерал и его армия», вызвавший неоднозначную реакцию у нас, когда в 1994 году его опубликовали.

В частности, с резкой статьёй, критикующей роман выступил писатель В. О. Богомолов, обвинивший Владимова в отсебятине, которая расходится с данными архивов.

Однако я понимаю решение жюри Русского Буккера, давшего Владимову премию за этот роман. Роман написан очень сильно. Что же до иных исторических неточностей, то, во-первых, у Толстого в «Войне и мире» их находили немало, а, во-вторых, Богомолову, служившему в СМЕРШе (это утверждение кажется весьма правдоподобным), пройти в гэбеш-

ные архивы было несравнимо легче, чем эмигранту-писателю.

Владимов умер 19 октября 2003 года (родился 19 февраля 1937-го), не закончив романа, над которым работал «Долгий путь до Типперэри».

20 октября

Вадим Михайлович Кожевников – один из мастодонтов-писателей послевоенной эпохи.

Начинал он до войны. Первый рассказ «Порт» опубликовал в 1930-м. Впоследствии указывал, что учился прозе по произведениям Бабеля.

В 1933 году работал журналистом «Комсомольской правде». Потом в журналах «Огонёк», «Смена», «Наши достижения». Первую книжку рассказов «Ночной разговор» выпустил в 1939-м.

Во время войны был корреспондентом фронтовой газеты. В 1943 году перешёл в штат газеты «Правда». В качестве её корреспондента закончил войну в Берлине.

В «Правде» и началась его административная карьера. В 1947—1948 году он занимал очень высокую должность – редактора отдела литературы и искусств «Правды». С неё переведён главным редактором журнала «Знамя» (с 1949 и до смерти, которая случилась 20 октября 1984 года).

Помню, как на одном из пленумов Союза писателей выступил Григорий Поженян, сказавший: «Подарили Кожевникову „Знамя“». Несмотря на бурные аплодисменты, журнал Вадиму Михайловичу оставили.

А на посту главного редактора толстого журнала Кожев-

ников стал обрастать и другими регалиями. Стал секретарём правления СП СССР и секретарём правления СП РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР, получил звезду героя соцтруда, Госпремию СССР за повести «Пётр Рябинкин» и «Особое подразделение», награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Отечественной войны I степени» и «Красной Звезды».

Писал он довольно увесистые романы «Заре навстречу» (о революции и установлении советской власти в Сибири; 1956—1957), «Знакомьтесь, Балуюев» (о строительстве газопровода в Сибири; 1960), «День летящий» (1962), «Щит и меч» (о внедрённом в абвер незадолго до войны нашем разведчике; 1965), «В полдень на солнечной стороне» (1973), «Корни и крона» (производственный роман; 1981—1982).

Это – кроме семи повестей, двенадцати рассказов, двух пьес (одна совместно с И. Прустом), четырёх киносценариев (один без соавторов).

Я был близко знаком с Ниной Каданер, многолетней работницей «Знамени». Знал я и рано умершего Мулю Дмитриева, работавшего в «Знамени» в отделе критики. И потому знал секреты творческой кухни Кожевникова.

Они – Нина и Муля – получали от него рукопись, над которой трудились как редакторы. Впрочем, это только называлось «как редакторы», потому что рукопись, как расска-

зывала мне Нина, приходилось переписывать. Иногда придумывать какие-то сюжетные ходы, чтобы залатать рваную ткань повествования.

Чаковский в «Литературной газете» тоже имел негров, которым передавал диктофонную запись. Но он делился с Синельниковым и с нашими корректорами гонораром. Кожевников держал обоих на ставках, оплачиваемых государством.

И ещё один чудовищный поступок Кожевникова: он передал в КГБ рукопись романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», который тот доверчиво принёс в «Знамя», тем самым сильно укоротив Гроссману жизнь.

Однажды мне пришлось поехать на Дни литературы Новосибирской области, которые возглавлял Кожевников, решивший, как сказал он делегации писателей, побывать на родине, в Сибири. Потом, заглянув в его биографию, я увидел, что родился он 22 апреля 1909 года вовсе не в Новосибирской, а в Томской области. Впрочем, наверное, за давностью лет он потерял точные ориентиры: Новосибирск в Сибири и Томск в Сибири – и этого достаточно.

Они сидели за пиршественном столом рядом – оба в одинаковых строгих чёрных костюмах, у обоих значки депутатов и звёзды героев – Вадим Михайлович Кожевников и Фёдор Степанович Горячев, первый секретарь Новосибирского обкома КПСС. Оба произносили невероятно похожие друг на друга тосты. Впечатление было такое, что эти люди вза-

имозаменяемы. Что Вадим Михайлович хоть завтра сможет работать первым секретарём обкома, а Фёдор Степанович – писать романы «Щит и меч» и «Знакомьтесь, Балувев»!

Александр Васильевич Дружинин, родившийся 20 октября 1824 года, считается предшественником Тургенева в описании женской любви в своей повести «Полинька Сакс» (1847). А образ энергичного практика Константина Сакса предвосхищает гончаровского Штольца и Калиновича из романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ».

По инициативе Дружинина в некрасовском «Современнике» появились ежемесячные лёгкие обзоры текущей периодики. Потом появились такие же обзоры зарубежной литературы. И в «Современнике» и в «Отечественных записках» появлялись историко-литературные и литературно-критические очерки – о зарубежных романистах С. Ричардсоне, О. Голдсмите, А. Радклиф, графе Д. Трессане, О. де Бальзаке, В. Скотте, Р. Шеридане, Ф. Купере, Ч. Диккенсе, У. Теккере.

В «Современнике» Дружинин публиковал юмористические фельетоны о петербургской жизни. Печатал переводы из Байрона. Перевод трагедий Шекспира «Король Лир», «Король Ричард III».

В «Библиотеке для чтения» он опубликовал свои художе-

ственные произведения: рассказы, повесть «Петергофский фонтан». Но они так же, как и напечатанный ещё прежде в «Современнике» «Рассказ Алексея Дмитриевича», не шли в сравнение с «Полинькой Сакс».

После прихода Чернышевского в «Современник» Дружинин прекратил сотрудничать с этим журналом. Переключился на «Библиотеку для чтения», куда привлёк в качестве авторов А. Н. Островского, Д. Григоровича, С. Максимова, И. Тургенева, поэтов Некрасова, Мея, Фета, Щербину. Во главе «Библиотеки для чтения» Дружинин вёл полемику с революционными демократами и пропагандировал теорию «чистого искусства».

Продолжил писать и печатать художественные произведения: повести «Легенда о кислых водах» (1855), «Обручённые» (1857), роман «Прошлое лето в деревне» (1862). Но, увы. Интересы у публики они не вызвали.

Этот энергичный человек скончался рано, в возрасте 39 лет: 31 января 1864 года.

В ноябре 1856 года Дружинин предложил создать Литературный Фонд по образцу английского. Благодаря его инициативе возникло Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным, которое просуществовало около 60 лет.

О том, каким уважением и какой любовью пользовался Дружинин, можно судить по стихотворению Фета, откликнувшегося на его кончину:

Умолк твой голос навсегда,

*И сердце жаркое остыло,
Лампаду честного труда
Дыханье смерти погасило.
На мир усопшего лица
Кладу последнее лобзанье.
Не изменили до конца
Тебе ни дружба, ни призванье.
Изнемогающий, больной,
Души ты не утратил силу,
И жизни мутною волной
Ты чистым унесён в могилу.
Спи! Вечность правды настает,
Вокруг стихает гул суровый,
И муза строгая кладёт
Тебе на гроб венок лавровый.*

21 октября

После одиннадцатилетнего заключения к Ардовым пришла певица Лидия Русланова. Дверь открыл сам хозяин, просиял, обнял её и сказал, словно не было многих лет разлуки: *«Лидка! Здорово! Заходи. Слушай, вот такой анекдот есть»*.

С Виктором Ефимовичем Ардовым, родившимся 21 октября 1900 года, связано немало подобных анекдотических былей.

Печататься он начал с карикатур, которые сопровождал собственным текстом. После он часто сам иллюстрировал свои сатирические сборники. Печатался в «Крокодиле» и «Красном перце». Вместе с Л. Никулиным написал комедии «Склока» и «Статья 114-я Уголовного кодекса» (1926), «Таракановщина» (1929), вместе с В. Массом – комедию «Именинница» (1924), самостоятельно – комедию «Мелкие козыри». Писал юмористические монологи для В. Хенкина, А. Райкина, Р. Зелёной и других. С 1927 года работал завлитчастью Ленинградского театра сатиры.

В 1942 году ушёл на фронт, был майором, служил в армейской печати, награждён орденом «Красной Звезды».

В моём детстве в Кинотеатре повторного фильма, который, кажется, так тогда не назывался, шёл стереофильм «Машина 22—12». Суть была в том, что машина наезжала

на экран, и впечатление было, что она несётся на тебя. Так вот сценарий к этому фильму написал Виктор Ардов. И ещё к одному – «Светлый путь» (1939).

А вообще Ардов автор более 40 сборников юмористической прозы. Посмертно (умер 26 февраля 1976 года) была издана интереснейшая книга воспоминаний (1983). В 2005 переиздана под названием «Великие и смешные».

А вспомнить Ардову было что и было кого. Он знал и дружил с Маяковским, Булгаковым, Светловым, Олешей, Ильфом, Петровым, Зощенко. В его квартире 13 на Ордынке в доме 17 часто останавливались и жили Бродский, Солженицын, Зощенко, Пастернак, Цветаева, Тарковский, Раневская. Но самой частой гостьей, жившей у Ардовых подолгу в 1934—1966 годах, была Анна Ахматова. Свидетельствовать об этом призван памятник Ахматовой, установленный во дворе ардовского дома.

Вот небольшой рассказик Ардова, написанный в 1925 году, когда футбол был ещё чуть ли не в новинку:

На поле раздался свисток, и игра началась. Аккуратно выравнивая ногой, игроки повели мяч. Осторожно, вежливо. – Пас! – Аут! – Извините! – Виноват! – Простите, я вам как будто палец отдал? – Четыре. – Что – четыре? – Четыре пальца. Но ничего, вот вам пятый – давите! – Спасибо! – Аут! – Пас! – Ножку, ножку уберите! – Вот эту? – Да нет, ту! – Та, простите, не моя. Хе-хе... – И эта – не ваша? – Ой, моя!.. Простите! – Извиняюсь! – Аут! – Пас! Через четверть

часа выступил первый пот. Забит первый гол. Возник первый спор: – Что ж это, ребята, сбоку каждый забьёт! Ты мне спереди бей! – Неправильно, неправильно забили! Аут! Не считае... Ох... что же вы по ногам ходите?! Поля ему, вишь, мало, по ногам норовит! – А вы не суйте конечностей куда не надо! И вовсе без копыт вернётесь! – Пас! Пас! Ванька, передавай! – Я тебе передам! Чтобы опять забили. Накося! Рраз... – Э-эх... ох... их!.. Что же я тебе ворота, что ли? Что ты в меня бьёшь?! – Стой тут с открытым ртом, тебя кто угодно за ворота примет! – Пусти, дьявол, ты мне на ухо наступил!.. – Отойти, не капай кровью на чистые трусы, – слышишь?! Теперь уж окончательно всё пошло как по-писаному! – Ребята, загоните ко мне вот этого, рябого. Я ему покажу, как бутсой по спине ударять! – Ты что, подножку, да?! Вот тебе за подножку! – Вася, Вася, принимай мяч, принимай! Да ты что плюёшь?! – Жубы плюю! – Нашёл время! Принимай мяч, потом доплюёшь! – Вали, вали на землю!.. Там разберёмся, кто – наш... – Помоева сейчас с поля унесли... – Сам виноват. Ежели слабая голова, зачем ею об мяч стукать?... ..Когда раздался свисток, сигнализирующий об окончании игры, все были страшно удивлены. – Неужели кончили? Так я и не успел тому, рябому-то, за бутсу... – Ладно, успеешь ещё! Чай не последний матч. Еще посостязаемся! – Петька, брось ты этого парня, слезай, кончена игра! – Мало что кончена! Я ему всю душу выпущу, но он у меня узнает, какая есть правильная игра! – А не знаешь, чем игра кончилась? –

Четыре на пять. – В чью пользу? – Какая же тут польза, если у нас четыре человека искалечено, да в ихней команде – пять! – Нет, я спрашиваю: сколько голов? – Голов, наверное, десять разбито да поцарапано... – Да я не про то! – А я про то: не надо путать футбол и драку!.

Автор книги «Набоков» в серии «ЖЗЛ» (2001). А первую свою книгу он выпустил в 1975-м. Она называется «Джек Лондон».

Да, Алексей Матвеевич Зверев (родился 21 октября 1939 года) был специалистом по американской литературе. Через двадцать лет после окончания филологического факультета МГУ он защитил докторскую диссертацию (1983). Работал в ИМЛИ и в РГГУ.

Список его научных работ внушителен. Кажется, нет такого американского писателя XX века, о ком бы он не написал. Если не книгу, то статью в журнале. Если не статью, то предисловие к однотомнику.

Но что меня удивило – это совместно с В. А. Тунимановым написанная для «ЖЗЛ» книга «Лев Толстой». Вышла она в 2006 году, через три года после смерти Зверева (он скончался 14 июня 2003 года), да и его соавтор, умерший в 2006-м, выхода книги не дождался. Удивил меня интерес, который проявили к Толстому учёные, никогда им не за-

нимавшиеся. В. А. Туниманов – сотрудник петербургского Пушкинского дома, скорее, специалист по Достоевскому, в последнее время занимался Полным собранием сочинений И. А. Гончарова.

Тем более что в ЖЗЛ в своё время была издана прекрасная книга Виктора Шкловского «Толстой».

Или нынешняя редакция ЖЗЛ теперь издаёт добросовестно написанные биографии писателя, не обращая внимание на авторский язык, – художественен он или нет?

Да, у меня есть эта книжка «Четверо под одной обложкой». Её мне подарил Гриша Горин. Он автор одной из небольших книжечек, вмонтированных в эту. Ещё три принадлежат Аркадию Арканову, Эдуарду Успенскому и Феликсу Камову.

Камова я знал очень хорошо. Один из всегдашних посетителей нашего «клуба 12 стульев» в «Литературной газете». У нас и в «Юности» он печатал свои юморески.

Работал он у Михалкова-старшего в «Фитиле». Там иные его юморески превращались в видеосюжеты. Кроме того, знаменитый бесконечный мультисериал «Ну, погоди!» открывали семь серий, созданных Камовым вместе с Курляндским и Хайтом.

А потом Феликс исчез. То есть, я-то знал, что он в отказе

и борется за право выезда.

Ещё через какое-то время, кажется, в «Континенте» прочитал уже не Камова, а Канделя. И не юмористический рассказ, а очень добротную серьёзную повесть.

Феликс Соломонович Кандель родился 21 октября 1932 года. Уехать из России ему и его жене было трудно, поскольку оба окончили авиационный институт, то есть, по понятиям наших органов, имели отношение к оборонке.

Но разрешили им, наконец, уехать в 1977-м. А к этому времени оба не работали по специальности лет 15. Для органов, которые не устанавливали сроков давности, это значения не имело. Всё-таки пришлось выпустить: лишний скандал брежневскому руководству, собравшемуся обольстить (или уже обольстившему) Запад разрядкой, был не нужен.

Оказавшись на Западе, Кандель словно сбросил с себя лягушачью кожу, обернувшись в чудесного литературного принца.

Его книга «Врата исхода» написана прекрасным русским языком, читается захлёб, как детектив. Хотя детективного в ней ничего нет. Она об отъезжающих и уехавших.

Конечно, правильно сделал Кандель, что уехал. Кем бы он здесь был? Преуспевающим сатириком. А кем он там стал? Мудрым, добротным писателем.

Очень хорошо помню наш поход 3 класса «Г» (545 мужская московская школа; год 1949) во главе с учительницей и членами родительского комитета в Центральный Детский театр на спектакль «Снежная королева» по пьесе Евгения Шварца. В раздевалке, взяв своё пальто, я услышал, как одна родительница, смеясь, цитировала другой родительнице из пьесы: *«Детей надо баловать, тогда из них вырастут настоящие разбойники»*.

Евгений Львович Шварц, родившийся 21 октября 1896 года, любил вставлять подобные парадоксальные максимы в свои пьесы, которые и сейчас являются моими любимыми.

Я только не могу понять, как ему удалось уцелеть в грозные постреволюционные годы.

Московский юнкер в августе 1917-го, он был призван в армию, прапорщиком поступил в Добровольческую армию. Участвовал в «Ледяном походе» Корнилова, штурмовал Екатеринодар. Демобилизован после контузии.

Поступил в Ростове-на-Дону в университет. Начал работать в «Театральной мастерской». Был фельетонистом в газете «Всесоюзная кочегарка», где встретился с Николаем Олейниковым, ставшим его другом (вместе выпустили первый номер журнала «Забой», ставший потом «Донбассом»).

В 1921 году приехал в Петроград. Некоторое время работал литературным секретарём у Чуковского, потом в Госиздате под руководством Маршака. С 1923 году печатал свои фельетоны. Сблизился с обэриутами. Участвовал в создании журнала «ЧИЖ» и «ЁЖ».

Но как же он смог уцелеть, если практически все члены ОБЭРИУ были арестованы ГПУ и НКВД. Если все они практически погибли?

29 марта 1944 года газета «Литература и искусство» печатает статью известного писателя С. Бородина «Вредная сказка», в которой пьеса Шварца «Дракон» названа пасквилем на освободительную борьбу и клеветой на народы, томящиеся под властью Дракона. После этого «Дракон» на 20 лет снят со сцены.

А ещё до войны пьеса «Тень» (1940), которую захотел поставить Акимов, была снята с репертуара сразу после премьеры. Власти не без основания увидели в ней политическую сатиру.

Правда, после статьи Бородина при жизни Сталина пьесы Шварца не ставились. За то, чтобы их поставили в театрах, ратовала Ольга Берггольц, выступившая на Втором съезде писателей в 1954 году.

Только в 1965-м был издан сборник пьес Шварца, и к ним снова стали обращаться режиссёры.

Каково было жить гениальному драматургу, он описал в своей «Автобиографии», изданной уже после его смерти

в Париже в 1982 году. А умер Шварц 15 января 1958 года.

В старом «Чтеце-декламаторе», который дал мне прочесть отец моего одноклассника, я встретил такое стихотворение:

*Жили-были два горбуна,
Он любил, и любила она.
Были длинны их цепкие руки
Но смешны их любовные муки,
Потому что никто никому,
Ни он ей, ни она ему,
Поцелуя не мог подарить —
Им горбы мешали любить*

Не скажу, что оно мне понравилось. Я вообще не люблю, когда обращают внимание на физические недостатки людей. Тем более – когда их высмеивают. Но имя автора – Пётр Потёмкин запомнилось.

К тому же там было не только это его стихотворение. Ещё и такое:

*Жили-были
В театре «Стиле»
Две сестрички,
Певички.
Одна была постарше —*

Танцевала разные марши,
Другая получше —
Танцевала качучи,
И обе вместе пленяли толпу
Ки-ка-пу.
Была у них маменька с тальмой,
С чёрным старинным током,
Нарумянена свекольным соком...
Каждый вечер под пальмой,
В фойе в уголочке,
Она сидела, болтала
С продавицей цветов
И до трёх часов
Поджидала —
Скоро ли кончат дочки.
А дочки сидели в зале
С лысыми и с брюнетами,
Угощались конфетами,
Икру жевали,
Мочили губы в бокале,
А в три часа уезжали.
Судите сами —
Одни или с гостями?
Так жили-были
В театре «Стиле»
Две певички,
Сестрички.
Одна была Марья Степанна,
Другая Фанни Иванна,

*А маменька была старая дева
Шмулевич Ева.*

Этот автор, чудак-парадоксалист меня заинтересовал. И я отправился в библиотеку имени Ленина, которая в то время обслуживала и школьников.

В открытом доступе книг Петра Потёмкина не было. Я понял, что речь идёт об эмигранте. Поэтому пошёл заказывать юмористические журналы начала века.

«Сатирикон» заказать было можно. Я его и заказал. Начиная с 1908 года, встречал стихи Потёмкина почти в каждом номере. И полюбил Петра Петровича, умершего 21 октября 1926 года (родился 2 мая 1886-го).

Однако стихотворения про горбунов я Петру Потёмкину не прощаю. Заигрался? А не нужно так играть!

21 октября 1889 года в московском переулке в районе Смоленского рынка нашли зарезанного мужчину. Он оказался писателем Николаем Васильевичем Успенским. Расследование показало, что он покончил жизнь самоубийством на почве алкогольной болезни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.